

ШАНА КАЙ

КОРОЛЕВА
НОВОГО ВЕКА

18+

СВЕТ И ТЬМА ПАДАЮТ К ЕЕ НОГАМ.
ОНА ВСТАЕТ — И МИР ПОДЧИНЯЕТСЯ.

Шана Кай

КОРОЛЕВА НОВОГО ВЕКА

«Автор»

2026

Кай Ш.

КОРОЛЕВА НОВОГО ВЕКА / Ш. Кай — «Автор», 2026

В современном мире, где Верховная Власть и влияние Союза переплетены в тугой узел, Анника невольно занимает место монарха. У неё лишь одна миссия — защищать элементариев. Их на Земле всего шестеро — уникальные люди с невероятными способностями. Сама Анника тоже элементарий, но с одной аномалией: в ней уживаются две противоположные силы — Свет и Тьма. Ей подчиняется сама гравитация. Однако даже этого дара недостаточно, чтобы удержать равновесие мира и спасти элементы. Чтобы победить, надо быть умнее врага, опережать его на шаг и сохранять стойкость перед лицом всех несчастий, что обрушиваются вокруг. Разрушить старый мир — легко.

Построить своё «королевство» — легко. Но как спасти элементариев, томящихся в заточении у Союза? Как не разрушить себя на этом пути? Как не дать эмоциям взять верх? Она непременно сошла бы с ума и точно не справилась бы, если бы в её жизни не появился Тадэо и его отряд убийц. В итоге именно он становится тенью Королевы и её главной опорой в противостоянии.

Содержание

Глава 1 Т.О.	5
Глава 2 Звериный оскал.	14
Глава 3 Дом в лесу.	24
Глава 4 Он был непривычным.	29
Глава 5 Мир не будет прежним.	39
Конец ознакомительного фрагмента.	46

КОРОЛЕВА НОВОГО ВЕКА

Глава 1 Т.О.

Дождь лил семнадцать дней. Аника считала — ей больше нечем было заполнять утро, кроме как таращиться в окно и убеждаться, что мир окончательно превратился в душевую кабину. Начало июля, чёрт возьми, а на градуснике плюс двенадцать. Синоптики на телевизоре разводили руками и бормотали про аномалию, будто оправдывались за то, что сами устроили этот потоп. Аника выключала звук. Интуиция ей говорила: дождь не кончится. Дождь вообще не собирался кончаться. Дождь, похоже, решил задержаться насовсем.

Она сидела на жёстком пластиковом стуле у койки матери и держала её за руку. Ладонь матери была тёплой — странное, неестественное тепло, не имеющее ничего общего с живым человеческим теплом. Оно шло от аппаратов, от трубок, от капельниц, от того равномерного гула, который заполнял палату. Монитор у изголовья отбивал ритм: ровные зелёные пики, один за другим, без остановки, без сбоя. Уже два года. Всё, что она оставила, — недописанное сообщение в мессенджере Анике:

«Ты всё знаешь. Будь осторожна...»

— ...и вот, представляешь, этот парень — ну, который пришёл с переломом голеностопа — он попросил меня дать ему свой номер. Представляешь?! У него перелом, его грузят в скорую, а он хочет мой номер. И это в колледже. Куратор в шоке. Собрание так и не состоялось.

Аника улыбнулась уголками губ. Она всегда так делала, когда рассказывала матери что-то смешное или нелепое. Будто мать могла её услышать, улыбнуться в ответ. Но лицо матери оставалось неподвижным — бледное, с синеватым отливом под скулами, с веками, закрытыми так плотно, будто они были склеены. Чёрные волосы, когда-то такие же, как у Аники, теперь были тонкими и тусклыми, разложены по подушке неровными прядями. Мать похудела. Но Аника не разрешала себе думать об этом.

— Стажировка в суде — это не очень весело. Чтобы пропустить её, я согласилась стать донором. Студенты медицинского факультета занимались сбором крови. Правда, друзей я себе так и не нашла.

Она говорила и смотрела на зелёную кривую. Говорить было легко, потому что можно было не думать о том, что мать не ответит. Говорить было трудно, потому что надо было делать вид, что это нормально — сидеть и разговаривать с человеком, который спит непробудным сном.

За окном хлестнул ветер, и стёкла задрожали. Дождь усилился. Лампочки замигали. Аника вздрогнула, но руку не отпустила. Она сжала пальцы матери чуть крепче и почувствовала, как под кожей перекачивается тонкая косточка. Мать всегда была хрупкой, но теперь она казалась почти прозрачной.

— Середина лета, — сказала Аника, глядя на дождь. — А солнце мы так и не увидели. Ты бы сказала, что это странно. А потом в очередной раз заставила бы меня читать какую-нибудь книгу про стратегии и тактику. «Искусство войны» я уже зачитала до дыр. Или я снова проиграла бы тебе в шахматы. Тебя невозможно выиграть.

Она замолчала. Тишина в палате была плотной, давила на уши, и только гул аппаратов разрывал её на куски. Аника отпустила руку матери и выпрямилась. Шея затекла — она просидела так почти два часа. Пора было идти домой. Завтра снова практика, снова палаты, снова анализы и уколы. Она встала, поправила край одеяла, коснулась лба матери кончиками пальцев — сухая, тёплая кожа.

— Я не смогу стать той, кем ты хочешь меня видеть, мам. Я вообще не справлюсь. — Аника поцеловала руку матери. — Я завтра приду. Хорошо? Спи.

Она вышла из палаты, прикрыла дверь и на мгновение задержалась в коридоре. Больница дышала кислым запахом антисептика, хлорки и чего-то сладковатого — дешёвого освежителя воздуха, которым пытались перебить больничную вонь. Под ногами шаркали дежурные сёстры, где-то катили каталку. Аника накинула плащ — длинный, чёрный, с широким капюшоном, который она носила уже третий год. Плащ был единственной вещью, которая защищала её от бесконечного дождя.

Она вышла на улицу, и дождь тут же обрушился на неё, как живой. Аника успела распахнуть зонт.

Дом находился в пятнадцати минутах ходьбы. Район был старым, с узкими улочками, застроенными двухэтажными зданиями с облупившимися фасадами. Здесь не было кафе, не было магазинов — только жилые дома и заброшенный парк на окраине. Аника не любила этот район. Слишком тихо, слишком нагнетает.

Она поднялась на крыльцо, вытащила из кармана плаща ключи и открыла дверь. Внутри пахло сыростью и старым деревом. Дом был маленьким — кухня, гостиная, спальня на втором этаже. Мебель осталась от матери: потемневший гарнитур, вышитые салфетки на комод, ковёр с длинным ворсом, который уже вытерся до дыр. Аника сняла плащ, повесила его на крючок, стряхнула капли с волос. Они упали на пол, и тёмные пятна расплылись по паркету. Зонт она бросила на порог.

Она прошла в гостиную, села на диван и достала телефон. Экран загорелся, и она машинально открыла уведомления. Банковское приложение. Входящий перевод — сумма, которая покрывала и счёт за больницу, и коммунальные платежи, и даже оставляла на еду. Отправитель неизвестен, и каждый раз переводы с разных источников. Одно и то же сообщение: «Трать разумно. Т. О.».

Аника уставилась на цифры. Это уже длилось два года. Ровно с того дня, как мать впала в кому, на её счёт начали приходить деньги. Она не пыталась выяснить, кто их отправляет. Она не обращалась в полицию — мать строго запрещала ей коммуницировать с полицией и вообще с любыми другими органами. Даже когда поступала на юридический, мать устроила её под другим именем. Здесь её звали не Аника Грейшторм, а Аннет Эшен.

Каждое утро она просыпалась, садилась в автобус, закупалась продуктами в центре города, возвращалась обратно. Шла по дороге — и ей мерещилось, что кто-то за ней наблюдает.

Она подняла голову и посмотрела в окно. За стеклом струилась вода, размывая очертания уличных фонарей. Тени скользили по мокрому асфальту, но никого не было. Аника встала, подошла к окну, прижалась лбом к холодному стеклу. Сердце колотилось где-то в горле. Она чувствовала это — упрямое, настойчивое ощущение, что за ней следят. Что кто-то стоит за углом, за деревом, за той старой беседкой в парке. Что он всегда рядом. Что он видит её. Она не боялась. Смотрела на своё кольцо с фамильным гербом. На сейф. Открывала его иногда. Перечитывала позолоченный документ, где были подпись матери, печать и отпечаток. Этот документ так и не доставлен в нужное место. Вчера она взяла его и положила в рюкзак, который стоял в углу для экстренных ситуаций. Также среди документов был номер доверенного лица матери — Амадеус Фольфрам. Когда мать впала в кому, Аника должна была позвонить ему, но она струсила, испугалась, а ещё ей не хотелось оставлять мать здесь одну.

— Паранойя, — прошептала она себе под нос. — Просто паранойя. Ты слишком много читаешь новостей. Ты слишком много сидишь одна.

Она отошла от окна и села обратно на диван. Телефон снова пискнул. Аника взглянула на экран и замерла.

Уведомление из больницы. Не отчёт, не напоминание, а системное оповещение — красная строка с восклицательным знаком.

«Внимание! У пациентки (734-К) зафиксирована кратковременная остановка сердечной деятельности. Продолжительность — 3 секунды. В настоящее время ритм восстановлен. Состояние стабильно. Требуется дополнительное наблюдение».

Она не прочитала это. Она впитала текст целиком, как губка впитывает воду. Остановка сердца. Три секунды. У матери. У её матери, которая лежит в коме, у которой нет шансов, у которой — Аника сжала телефон так сильно, что костяшки побелели. Три секунды без жизни. Три секунды — и она ничего не знала, не чувствовала, она сидела здесь, в этой маленькой гостиной, и думала о глупостях, а сердце матери перестало биться.

Что, если однажды её и вовсе не станет?

— Нет, — выдохнула она. — Нет, нет, нет.

Слова вырывались из неё с каждым выдохом, и она не понимала, плачет она или кричит. В ушах зашумело, комната поплыла. Она вскочила с дивана, ударилась коленом о журнальный столик, но боли не почувствовала. В голове билась только одна мысль: надо бежать к ней.

И тогда это случилось.

Первая вспышка. Не световая — нет, это было внутри, в груди, в солнечном сплетении, в основании черепа. Что-то рвалось наружу, горячее, болезненное, неудержимое. Аника зажмурилась, зажала уши руками и почувствовала, как воздух вокруг неё уплотняется. Как предметы в комнате начинают дрожать. Как диван отрывается от пола на пару сантиметров и зависает в воздухе. Книги вылетают из шкафа и кружатся в пространстве, как огромные мотыльки. Цветочный горшок разбивается о стену — осколки застывают в миллиметре от обоев. Всё это длилось не больше трёх секунд.

Ровно три секунды — как остановка сердца у матери.

Аника открыла глаза. Диван с грохотом упал на пол. Книги посыпались вниз, раскрывая страницы на полу. Осколки звякнули, разлетаясь по паркету. В комнате стало тихо — неестественно, оглушительно тихо. Только стук её сердца гремел в ушах, как набат.

Она стояла, тяжело дыша, и не могла пошевелиться. Неужели это случилось? Или у неё начались галлюцинации? Она тряслась всем телом, смотрела на свои руки, на свои пальцы — они дрожали, но были совершенно обычными. Никакого света, никакой магии. Просто руки.

Но диван лежал не на месте. Книги валялись по всей комнате. Горшок разбит.

— Нет, — прошептала она. — Только не сейчас.

Она подошла к дивану, потрогала его рукой. Дерево было тёплым. Дерево не может быть тёплым от того, что оно летало по воздуху. Но оно было тёплым.

Аника отошла к стене, прижалась к ней спиной. Мама говорила ей, что если подобное случится, нужно дышать. Делать глубокие вдохи и выдохи. Аника дышала, успокаивалась — она была к этому готова. После она поспешила в больницу, решив, что переночует там.

В больнице всё было как обычно. Коридоры гудели, пахло лекарствами, санитарки катили тележки. Аника зашла в палату матери. Та лежала неподвижно, монитор показывал ровные пики. Дышит. Сердце бьётся. Аника выдохнула, подошла, поцеловала мать в лоб. Кожа была всё такой же тёплой.

— Я здесь, — сказала она. — Я рядом.

Она вышла в коридор и столкнулась с незнакомцем. Он стоял у двери, опершись плечом о косяк, и читал что-то в планшете. Белый халат, аккуратно завязанный, нагрудный карман со стетоскопом. Светлые волосы, чуть влажные от дождя, падали на лоб. Голубые глаза поднялись на неё, и он улыбнулся — открыто, тепло, по-дружески.

— Аника? — спросил он, и голос был низким, мягким. — Аника Грейшторм?

Аника насторожилась: этот человек знал её настоящее имя.

— Да, — ответила она осторожно. — А вы?

— Доктор Девид Сейд, — он протянул ей руку, и она машинально пожала её. Ладонь была сухой и прохладной. — Я новый врач в этом отделении. Наслышан о вас от медсестёр. Вы ведь дочь пациентки 734-К, верно?

Аника кивнула.

— Ладно, я на самом деле вру, — он подмигнул и говорил шёпотом. — Не стоит раскрывать мою личность. У вашей матери должен был быть доверенный человек...

— Вы Амадеус?

Он на секунду задумался, а после с широкой улыбкой произнёс:

— Вы меня раскусили.

Аника успокоилась. Именно ему она должна была позвонить в критической ситуации, но он пришёл сам.

— Не волнуйтесь, — сказал он, положив руку ей на плечо. — Я лично прослежу за её состоянием. Всё будет хорошо.

Она слабо улыбнулась в ответ.

— Спасибо, доктор Сейд.

— Зовите меня здесь просто Девид, — он подмигнул и убрал руку. — Я здесь, чтобы помогать. Вы всегда можете ко мне обратиться.

Он развернулся и пошёл по коридору, и Аника проводила его взглядом. Белый халат, светлые волосы, лёгкая походка — он выглядел как ангел-хранитель.

Она пошла в ординаторскую, села за стол и долго смотрела на свои руки. Они больше не дрожали. Но вчерашний страх ещё не отпустил. Она знала: что-то в её жизни изменилось. Что-то сломалось. И этот новый доктор с голубыми глазами был частью этого изменения. Она не знала, какой, но чувствовала всем телом — всё только начинается.

За окном хлынул ливень, и небо потемнело до черноты.

Дождь за окном ординаторской словно ждал, когда она останется одна, чтобы с новой силой обрушиться на город. Аника сидела за столом, сжимая в ладонях чашку с остывшим чаем, и смотрела на капли, бегущие по стеклу. Чёрный плащ висел на крючке у двери, с него всё ещё капало — маленькие лужицы расплзались по кафельному полу, как тёмные пятна на рентгеновском снимке.

Где-то в глубине коридора зазвонил телефон, кто-то засмеялся — резко, неестественно громко для больничной тишины. Аника вздрогнула, пролила чай на стол и чертыхнулась сквозь зубы. Она не заметила, как он подошёл. Не услышала шагов, не почувствовала сквозняка — просто подняла голову и увидела Дэвида в дверном проёме. Он стоял, прислонившись плечом к косяку, и в руках держал небольшую шоколадку в золотистой обёртке.

— Вы выглядите так, будто вчера не спали, — сказал он, чуть наклонив голову. Голубые глаза блестели в холодном свете ламп. — Держите. Это помогает, когда внутри всё переворачивается. Да и сахар в крови поднимется. Если что, я украл его у главного врача.

Он положил шоколадку на стол рядом с её рукой и не убрал пальцы — они задержались на обёртке, будто он ждал, что она возьмёт её немедленно. Аника посмотрела на шоколадку, потом на него. Ей хотелось сказать, что она не любит сладкое, что у неё нет аппетита, что она не привыкла принимать подарки от незнакомцев. Но сладкое она любила. Во рту пересохло, а внутри, где-то под рёбрами, шевельнулось что-то тёплое. Она взяла шоколадку.

— Спасибо, — сказала она тихо. — Вы очень добры.

Девид пожал плечами, словно это было само собой разумеющимся, и присел на край стула напротив. Он был немного выше её ростом — для мужчины, возможно, он считался низкорослым, и это бросалось в глаза, когда он сидел, но в его плечах, в ширине груди чувствовалась такая мощь, что рост казался просто оптической иллюзией. Белый халат сидел на

нём безупречно, но под расстёгнутым воротом виднелась тонкая золотая цепочка с маленьким кулоном — какой-то символ змеи, который Аника не успела разглядеть.

— Я понимаю, — сказал он, глядя ей в глаза. — Когда человек заботится о больном родственнике годами, он перестаёт заботиться о себе. Рядом с больным живые умирают.

Она хотела возразить, но слова застряли в горле. Он был прав — идеально, безжалостно прав. И это пугало больше, чем если бы он сказал что-то неправильное.

— Я просто... — начала она, но он перебил её мягким жестом.

— Не надо оправданий. Я здесь, чтобы помогать. И не только вашей матери. Если вам нужно выговориться, я хороший слушатель. Обещаю, я не буду вас жалеть. Только слушать.

Он улыбнулся, и в уголках его губ появились ямочки. Аника почувствовала, как напряжение чуть ослабло — будто кто-то ослабил тугой узел у неё в груди. Она развернула шоколадку, отломала кусочек и положила в рот. Горький терпкий вкус растаял на языке, и на мгновение ей стало легче.

— Вчера у мамы была остановка, — сказала она, не глядя на него. — Всего три секунды. Но я... я испугалась. Так, как не пугалась уже давно.

— Естественно, — кивнул Девид. — Это ваша мать. Вы имеете право бояться. Но аппараты хорошие, я проверил. Сбоев не было. Если бы сердце действительно остановилось на три секунды, монитор зафиксировал бы это с погрешностью меньше миллисекунды. Это был сбой в системе, не более.

Аника подняла на него глаза. Он говорил так уверенно, с такой спокойной убеждёностью, что ей захотелось верить. И она верила, потому что у неё не было другого выбора.

— Спасибо, — повторила она, и в этот раз в голосе было больше тепла.

Девид коснулся её руки — легко, почти невесомо, всего на секунду. Но этого прикосновения хватило, чтобы по коже пробежали мурашки. Он встал, поправил халат и направился к выходу, бросив через плечо:

— Я зайду к вам позже. Нам надо будет поговорить.

Он исчез за дверью, и Аника осталась одна. Она смотрела на обёртку, на оставшийся кусочек шоколада и чувствовала, как где-то глубоко внутри зарождается что-то странное — надежда, смешанная с тревогой. Она не знала, можно ли доверять этому человеку, но он был единственным, кто протянул ей руку за последние годы.

К вечеру дождь не стих, но ослабел — теперь это была тонкая водяная пыль, которая не стучала по крышам, а оседала на волосах влажным холодом. Аника снова сидела у койки матери и рассказывала о своём дне. Пальцы матери были прохладными — впервые за долгое время. Это заметил и монитор, и медсестра, которая заходила проверить показатели. Но Аника не придавала значения.

Она сжала руку матери и положила её себе на щёку. Тёплая кожа, сухая, безжизненная — но родная. Аника закрыла глаза и прошептала:

— Я хочу, чтобы ты очнулась. Так сильно, что это жжёт внутри. Я готова отдать всё, что угодно, лишь бы ты открыла глаза.

Она не заметила, как в коридоре скрипнул пол. Но когда она обернулась, в приоткрытую дверь было видно лишь пустоту. Или ей только показалось? Она встала, подошла к двери, заглянула в длинный полумрак коридора. Никого. Только дежурная лампа тускло освещает линолеум. Но сомнение уже закралось в душу.

Она вернулась к матери и села, но говорить больше не хотелось. Она молчала, глядя на зелёную кривую, пока за дверью снова не послышались шаги. На этот раз они были громче. Дверь открылась, и на пороге стоял Девид, держа в руках бумажный пакет.

— Аника, так продолжаться не может. Ты, возможно, знаешь правду. Оставлять её здесь небезопасно. Остаться тебе одной — тоже небезопасно. Люди Союза могут найти тебя в любую секунду.

Аника почувствовала, как кровь приливает к щекам.

— Я понимаю, — сказала она тихо.

— У меня есть люди. Мы сможем перевести вас в штаб. Там с вами ничего не случится.

— Нет, — возразила Аника. — Мы никуда не уйдём. Мама сама решила, что это место уже самое безопасное на земле.

— Ваша мать в коме, — напомнил он. — Вы ведь знаете, что вы необычный человек и семья у вас необычная.

В его голосе не было фальши. Аника подняла на него красные глаза и увидела в его взгляде что-то похожее на понимание.

— Я не могу.

— Вы можете. Вы должны. Это ваш долг.

Он был прав. В груди нарастало раздражение, но так продолжаться не могло. Ей нужно было встретиться со своей судьбой лицом к лицу.

— Только без фокусов.

Он мягко улыбнулся и встал.

— Завтра я подготовлю документы. Всё сделаем так, что ваша мать поедет по особой программе.

Аника нахмурилась:

— Я соберу вещи.

Он выложил на тумбочку пакет с фруктами.

Девид подошёл к ней, взял её руки в свои и посмотрел прямо в глаза. Его голубые зрачки, казалось, впитывали весь свет.

— Вы не пожалеете, Аника. Я обещаю.

Его голос звучал так, словно они были давними друзьями.

Через день, ранним утром, когда город ещё спал под тяжёлым от влаги небом, к больнице подъехала машина скорой помощи — белая, с мигалками, но без сирен. Аника стояла у входа, прижимая к груди небольшую сумку с вещами и тот самый рюкзак. Рядом с ней стоял Девид, одетый не в белый халат, а в тёмно-серый костюм, который делал его похожим на кого-то более серьёзного, более опасного.

— Поехали, — сказал он, открывая перед ней дверцу машины. — Всё будет хорошо.

Внутри уже сидели две медсестры — обе в униформе, с профессиональными лицами, и водитель — пожилой мужчина с седыми висками и мрачным взглядом. Они кивнули ей, но не поздоровались. Аника села на жёсткое сиденье, Девид устроился напротив. Машина тронулась, и за окном поплыли мокрые улицы, серые дома, редкие прохожие, кутающиеся в плащи.

Она смотрела в окно и не чувствовала тревоги. Только тихую, спокойную надежду — как луч солнца, пробившийся сквозь тучи.

Но телефон в кармане плаща вдруг пискнул. Она достала его, глянула на экран. Пришло сообщение с неизвестного номера, без имени, без подписи. Всего одна строка:

«Когда заключаешь сделку с дьяволом, он всегда просит расплатиться душой. Ты готова?»

Сердце пропустило удар. Аника подняла глаза на Девида. Он смотрел на неё с той же доброй улыбкой, но в его глазах на мгновение мелькнуло что-то тёмное, холодное, бездонное.

— Что-то случилось? — спросил он мягко.

Она покачала головой, спрятала телефон обратно и улыбнулась в ответ:

— Нет. Всё хорошо.

Машина свернула на трассу, ведущую в столицу.

Нет, не всё хорошо. Этот человек не тот, за кого себя выдаёт. Но она уже села в машину, а значит, надо держать лицо и не подавать вида.

Аника сидела на жёстком сиденье, пристёгнутая ремнём безопасности, и смотрела, как за окном сменяют друг друга мокрые деревья, столбы электропередач и редкие указатели. Дождь лил как из ведра — крупные капли с силой били в стекло, разбиваясь на тысячи осколков, которые тут же смывались дворниками. Машина скорой помощи мерно гудела мотором, и этот звук, низкий и вибрирующий, отдавался в груди Аники ровным гулом. В ушах звенело.

Она всё ещё сжимала телефон в кармане. Сообщение, которое пришло, не выходило из головы. Она перечитала его раз пять, но так и не решилась ни ответить, ни удалить. Оно висело в памяти уведомлений, как заноза, как немой укор.

Кому она вообще может доверять?

На экране загорелся новый значок. Ещё одно сообщение с неизвестного номера. Сердце пропустило удар. Она открыла его, стараясь, чтобы Девид не заметил.

«Я вытаскиваю тебя. Т. О.»

Пальцы задрожали. Она стиснула телефон в кулаке и убрала обратно в карман. В груди разрастался холод — липкий, тягучий, как тот самый дождь за окном. Она подняла глаза и встретила взглядом с Дэвидом. Он сидел напротив, развалившись на сиденье, и смотрел на неё с лёгкой полуулыбкой. Белая рубашка, расстёгнутый ворот, тёмно-серый пиджак — он выглядел как бизнесмен, а не как врач. Но Аника приказала себе успокоиться.

Руки всё равно тряслись.

Она сложила их на коленях, сцепила пальцы в замок, стараясь скрыть дрожь. Но пальцы не слушались. Дэвид наклонился вперёд, и в его глазах мелькнуло что-то — она не могла разобрать, что именно. Но он тут же улыбнулся, мягко, ободряюще.

— Волнуетесь? — спросил он. Голос был тёплым, бархатистым. — Это нормально. Любой бы волновался на вашем месте. Но всё будет хорошо, я обещаю. Через три часа мы будем в штабе. У нас есть своя клиника. Вашу маму поместят в отделение интенсивной терапии.

Аника кивнула, пытаясь улыбнуться в ответ. Но улыбка вышла кривой, натянутой. Она снова опустила взгляд на свои руки. Пальцы всё ещё дрожали — мелкая нервная дрожь пробежала по костяшкам, и она не могла её остановить. Она зажала руки между коленями, прикусила губу.

Дэвид отвернулся к окну. В отражении стекла Аника не могла видеть его лица, но если бы её взгляд не был затуманен страхом, она бы заметила, как уголки его губ медленно приподнимаются — не в доброй улыбке, а в хищной, самодовольной усмешке. Но она смотрела в пол, на свои дрожащие пальцы, и ничего не видела.

В машине было тихо. Водитель молчал, медсёстры переглядывались, но не произносили ни слова. Только шум дождя и гул мотора заполняли пространство. Аника смотрела на носилки в центре салона, где лежала её мать — укрытая одеялом, с капельницей, с монитором, который показывал ровные зелёные пики. Мать была спокойна. Мать не знала, что её везут в неизвестность. И эта мысль почему-то была самой страшной.

Какая же она глупая. Как она могла довериться первому, кто протянул руку?

Прошло около получаса. Дорога стала пустынной — машины исчезли, только серый асфальт, мокрый и блестящий, уходил вдаль. С обеих сторон тянулись поля, поросшие сорняками, и редкие перелески. Город остался далеко позади. Аника почувствовала, как внутри закипает тревога, хотя внешне старалась держаться. Она повернулась к окну, чтобы не видеть Дэвида, и вдруг в зеркале заднего вида заметила что-то странное.

Сначала ей показалось, что это просто тень от облака. Но облака были низкими, серыми, а та тень двигалась слишком быстро. И она была чёрной. И она приближалась.

— О боже, — сказала она, не оборачиваясь. — За нами кто-то едет?

Девид обернулся. Его лицо осталось невозмутимым, но Аника заметила, как его челюсть слегка сжалась.

— Не волнуйтесь, — ответил он. — Возможно, попутная машина.

Но в этот момент водитель нажал на газ. Мотор взревел, машина рванула вперёд. Аника вцепилась в сиденье, когда её бросило вперёд. Ремень безопасности врезался в плечо, она задохнулась от резкого толчка.

— Что происходит?! — крикнула она.

— Не паникуйте! — сказал Девид, но его голос уже потерял мягкость. — Это просто... непредвиденные обстоятельства.

Она обернулась назад. За стеклом задней двери она увидела три чёрных автомобиля, которые неслись за ними по трассе. Они были на расстоянии нескольких сотен метров, но быстро сокращали его. Из окон передних машин мелькнул отблеск — и Аника поняла, что это не просто попутчики.

Медсёстры побледнели, водитель что-то выкрикнул по рации. Девид выхватил из-под сиденья пистолет — чёрный, матовый, грозный — и Аника вскрикнула, пошатнувшись.

— Что вы делаете?!

Он откинул заднюю дверцу машины. Ворвался ветер, дождь хлестнул в лицо. Девид высунулся наружу, прицелился и выстрелил. Грохот выстрела оглушил Анику, она зажала уши руками и вжалась в сиденье. Всё происходило слишком быстро, слишком страшно.

Машина вильнула, и она услышала, как пули застучали по корпусу — глухие удары, лязг металла, звон разбитого стекла. Визг тормозов, рёв моторов. Аника закричала, но её крик потонул в какофонии.

Она подняла голову, рискуя выглянуть в окно. И увидела их. Мужчины в тёмно-синих классических костюмах, с железными масками на лицах — маски, напоминающие волчью челюсть, хищные, с оскалом. Они двигались слаженно, выскакивали из машин, прятались за дверями, стреляли. Их оружие было чёрным, блестящим, и в каждом выстреле чувствовалась смертельная точность. Но они стреляли куда угодно, только не в них. Хотели напугать?

Девид крикнул водителю:

— Не останавливайся! Давай быстрее!

Аника сжалась, зажмурилась. Она не понимала, что происходит. Кто эти люди в масках? Почему они стреляют?

— Террористы! — крикнул Девид, отыгрывая свою роль, и его голос дрогнул, как будто он сам был в ужасе. — Это террористы! Они хотят захватить заложников! Держись! Хотя это может быть и Союз.

Но Аника открыла глаза и снова посмотрела в окно. Один из преследователей подбежал к их машине, и она увидела его вблизи. Он был высоким, широкоплечим, в тёмно-синем плаще, развевающемся на ветру. Железная маска закрывала нижнюю часть лица, но глаза — чёрные, пронзительные — смотрели прямо на неё. Он захлопнул маску, как шлем мотоциклиста, и вот уже невозможно было увидеть его лицо.

Это было не лицо террориста. Это было лицо человека, который...

— Остановите машину! — вдруг закричала она, сама не понимая зачем. — Остановите!

Но водитель не слушал. Он выкручивал руль, машина виляла по мокрому асфальту. Аника ударилась головой о стойку, в глазах потемнело. Она услышала, как Девид выругался, потом — снова выстрелы.

И тогда высокий человек в плаще прыгнул. Он влетел в открытую заднюю дверь, как чёрная молния, и Аника увидела его вблизи. В руке он держал пистолет, направленный прямо на водителя.

— Стой! — крикнул он голосом низким, хриплым, но в нём звучала властность, не терпящая возражений. — Останови машину, или я вышибу тебе мозги!

Водитель закричал, нажал на тормоз. Машину занесло, она описала дугу и едва не перевернулась. Аника ударилась плечом о стену, застонала. Носилки с матерью сдвинулись, монитор упал, зазвенел.

— Мама! — закричала она, пытаясь дотянуться до койки. Но Девид уже действовал. Он отбросил пистолет, схватил ремни, которыми была закреплена койка, и начал с бешеной скоростью пристёгивать её, обматывая носилки поперёк, чтобы мать не выпала.

— Держите её! — крикнул он Анике. — Я не дам ей упасть!

Фарс продолжался недолго. Люди в масках волков ворвались в скорую, вытащили носилки с её матерью и загрузили их в фургон. Машина со свистом тронулась и помчалась прочь.

— Верь мне, — потребовал человек в маске волка.

А потом случилось то, чего никто не ожидал.

Ещё одна машина вылетела из-за поворота — чёрный внедорожник, огромный, как броневик. Он врезался в одну из машин преследования, отбросив её в кювет. Из внедорожника высыпали люди в таких же волчьих масках и начали стрелять по чёрному внедорожнику.

Высокий человек в плаще — тот, что ворвался в машину, — выругался сквозь зубы. Он собирался вытащить Анику из машины.

— Не доверяй ему, — громко сказал Девид. — Он наёмный убийца.

Маркус направил на него пистолет. Мужчина тоже направил на него ствол и нажал на курок, оружие дало осечку.

— Какая же ты псина, Маркус! — выпалил человек, который одним рывком собирался её вытащить.

Маркус направил пистолет на неё, явным намёком, чтобы тот проваливал.

Маркус?! Маркус Вебер?! Мать говорила, что есть молодой юноша, который служит Союзу. Мать читала отчёты при ней и говорила, что свои же называют его Бешеным Псом.

Маркус выстрелил в человека в маске волка. Сначала в голову — пуля не прошла, застряла в металле. Затем он выстрелил в грудь. Затем в спину. Затем в ногу. Всё происходило очень быстро. Машина тронулась. Ремни безопасности врезались в куртку. А вот человек в маске свалился на землю, а потом резко поднялся. Он был в бронежилете. Встал на одну ногу.

И тот исчез так же быстро, как появился — на ходу перекатился, вскочил и, хромя, побежал к внедорожнику. Пули свистели вокруг, но он двигался с нечеловеческой скоростью. Аника смотрела ему вслед, и сердце колотилось где-то в горле.

Это и был тот самый Т. О. Она не сомневалась.

Маркус, тяжело дыша, забрался обратно в салон и захлопнул дверцу. Он был бледен, на лбу выступил пот, но он улыбнулся ей — той самой успокаивающей улыбкой.

— Думаю, больше нет нужды играть в этот цирк.

Он подполз к ней, взял её за плечи, заглянул в глаза.

— Ты нужна мне пока живой. Хочу поймать этого засранца. Хочу снова посмотреть ему в глаза.

Глава 2 Звериный оскал.

Машина остановилась рывком, взвизгнув шинами по гравию. Анику выдернули за руку — грубо, не давая опомниться. Она спотыкалась, пытаясь удержать равновесие, но дождь хлестал в лицо, а ноги скользили по мокрой земле. Старый дом высился перед ней тёмной громадой — облупленный, с пустыми окнами, похожими на глазницы мертвеца. Где-то во дворе скрипели ржавые качели, и этот звук врезался в сознание ледяным остриём. Она слышала мужские голоса — они доносились из фургона, который был сюда пригнан.

— Внутрь, — бросил Маркус коротко и толкнул её в спину.

Она переступила порог. Внутри пахло плесенью, мышиным помётом и сладковатой гнилью. Где-то капала вода — мерно, словно секундомер отсчитывал последние минуты её свободы. Маркус вёл её по коридору, волоча почти на буксире, и его пальцы впивались в предплечье так сильно, что она чувствовала, как под кожей лопаются капилляры.

— Где моя мама? — спросила она, пытаясь остановиться. — Что вы с ней сделали?

— С ней? — Маркус обернулся, и на его губах заиграла кривая усмешка. — С ней всё в порядке. Пока что. Имя Тадэо Оокин тебе знакомо?

Аника замерла.

— Тадэо... кто?

Имя прозвучало чуждо, непривычно. Она никогда его не слышала. Но в ту же секунду в голове вспыхнуло другое — сообщение на экране телефона: «Я вытащу тебя. Т. О.». Эти инициалы она узнала бы из тысячи.

— Т. О., — прошептала она.

Маркус расхохотался — сухо, безжизненно.

— Ты хоть понимаешь, кто такой Тадэо Оокин? — Он наклонился к ней и заглянул в глаза. — Ты — моя наживка, чтобы выманить его. А потом я тебя убью. Нужно же мне выполнить приказ.

Она попятилась, ударившись спиной о стену. В груди разрастался холод.

— Но он обещал... он писал, что вытащит меня...

— Конечно, вытащит, — Маркус снова засмеялся, но смех оборвался, превратившись в злой оскал.

Он открыл дверь в подвал. Из проёма пахнуло сырой землёй и камнем. Ступени уходили вниз, в темноту, где тускло горела одна лампочка.

— Спускайся, Ваше Величество, — приказал он.

— Нет.

— Я не прошу.

Он схватил её за волосы и толкнул вперёд. Она закричала, но крик поглотил сырой камень. Она упала на колени на нижней ступеньке, обдирая ладони о шершавый бетон. Маркус спустился следом, тяжело дыша. В подвале было холодно, плесень покрывала стены, а в углах темнели пятна — то ли грязь, то ли кровь.

— Садись, — указал он на старый стул с гнутой спинкой.

Она села, сцепив руки на коленях, пытаясь унять дрожь. Маркус повернулся к ржавому столу и начал рыться в ящике. Она слышала звон металла, стеклянный звук. Потом он обернулся — в руках был шприц, наполненный прозрачной жидкостью.

Пришло уведомление. Это был телефон Аники. Маркус метнулся к ней, обыскал её куртку и нашёл гаджет.

— Отдай мой телефон, — сказала она тихо, понимая, что это бесполезно.

Он сжал его в кулаке, размахнулся и швырнул в стену с такой силой, что пластик разлетелся вдребезги. Осколки экрана сверкнули в тусклом свете и осыпались на пол.

— Теперь никто нас не найдёт, — сказал он.

Аника смотрела на осколки, и внутри что-то оборвалось. Последняя ниточка, связывающая её с внешним миром, была перерезана. Единственное, что у неё оставалось, — старый рюкзак. Маркус выхватил его, вытряхнул содержимое на пол, но не нашёл ни запасного телефона, ни ноутбука. Разочарованно пнул рюкзак ногой, и тот отлетел в угол. Документы его не интересовали. Аника, как только он отвернулся к столу, бесшумно подобрала рюкзак, собрала всё важное и прижала к груди.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она, и голос сорвался на шёпот.

Он не ответил. Вместо этого закатал рукав пиджака, обнажив изрезанное шрамами и синяками предплечье. Аника увидела старые следы уколов — их было много, они покрывали кожу узором, похожим на паутину.

— Чтобы было веселее, — сказал он, вводя иглу в вену с привычной ловкостью. — Или чтобы забыть.

Он сел на стул, воткнул иглу, нажал на поршень, запрокинул голову и закрыл глаза. Через несколько секунд его дыхание участилось, зрачки расширились до предела. Он рассмеялся — хрипло, надрывно, и этот смех отразился от каменных стен многоголосым эхом.

— Знаешь, что самое смешное? — проговорил он. — Я хочу посмотреть ему в глаза, когда он поймёт, что его драгоценная «миссия» провалилась. Это будет уже второй раз. Он должен всё понять.

Аника замерла. Человек словно бредил наяву.

Маркус приоткрыл глаза, и в них блеснула безумная искра.

— Ты чудовище, — прошептала Аника.

— Я — реалист, — ответил он. — Советую молчать, а то передумаю. Умрёшь прямо здесь.

Маркус откинулся на спинку стула, и его дыхание стало глубоким, ровным. Он провалился в дремоту, но Аника знала: он не уснёт по-настоящему. Он ждал.

Время в подвале потеряло смысл. Минуты растягивались, а может быть, проходили секунды — она не могла сказать. Только капли воды, падающие где-то в углу, отбивали однообразный ритм, и этот звук въедался в мозг, сводя с ума. Она смотрела на Маркуса, пытаясь угадать, сколько ещё она просидит на этом холодном месте, и понимала: всё, что осталось, — это ждать.

Она поднялась, опираясь о стену. Ноги тряслись. Ступени были рядом. Если она успеет добежать до выхода...

— Сядь, — раздался ледяной голос за спиной. — Ты даже не представляешь, как быстро я могу бегать.

Она замерла. Повернулась. Маркус сидел с открытыми глазами, и в них не было и тени наркотической отрешённости. Только хищная готовность. Он точно не был человеком. Организм не способен приходить в норму так быстро.

— Я сказал — сиди.

Она села. Сжалась в комок на стуле, обхватив колени руками, и рюкзак так и остался прижатым к груди. Слёзы текли по щекам, но она не замечала их. Где-то в голове пульсировала одна мысль: Т. О. — это Тадэо Оокин.

Аника смотрела на него в упор, запоминая каждую чётточку своего врага. Худое, почти измождённое лицо с острыми скулами и глубокими тенями под глазами — словно он годами не спал. Кожа бледная, с землистым оттенком. Нос крупный, с горбинкой, а губы — тонкие, бледные, всегда чуть приоткрытые, будто он готовится сказать что-то острое и ядовитое. Он напоминал змею — это было идеальное описание для него.

Она перевела взгляд на руки — длинные пальцы с узловатыми суставами, чересчур подвижные. Они могли сжиматься в кулак мгновенно, но при этом держали шприц с почти

хирургической аккуратностью. Он был невысоким для мужчины, часто сутулился, и от этого казался ещё более опасным — как зверь, который готов напасть, но притворяется расслабленным.

Он двигался плавно, даже грациозно, но в этой плавности сквозила готовность. Она замечала, как его пальцы чуть подрагивают, когда он держит телефон, как ноздри слегка расширяются, когда он злится. Маленькие детали, из которых складывался портрет монстра.

Раздался звонок. Противная мелодия. Маркус медленно поднял трубку и молчал.

— Маркус, это Тадэо. Я знаю, что ты меня слышишь.

Сердце Аники пропустило глухой удар.

Голос был низким, спокойным, с металлической ноткой. Тот самый человек в маске волка. Тот, кто прислал ей сообщение «Я вытащу тебя». Она вглядывалась в телефон, будто могла увидеть говорящего, и внутри всё сжалось. Она не знала его. Совсем. И впервые за все эти часы её захлестнуло сомнение: а если он не тот, за кого себя выдаёт? Если это новая ловушка? Если Маркус и Тадэо — одинаковые, и весь этот спектакль — чтобы выведать у неё что-то, чего она сама не знает? Но другого выхода не было. Только надежда на этого незнакомца. А потом она придумает, как и от него сбежать.

Маркус распахнул глаза, и весь дурман слетел с него мгновенно.

— Слушаю, герой-любовник. Решил сдатьсь?

— Я знаю, где ты, — ответил Тадэо, и в голосе послышалась сталь. — Но лучше тебе самому выйти. Ты ведь хочешь увидеть меня. Я предлагаю сделку. Ты отпускаешь девушку. Взамен я приду к тебе сам.

Аника поняла сразу: Тадэо не знает их местонахождение, он выманивает противника.

Маркус усмехнулся, но глаза оставались холодными.

— И где же мы встретимся, чтобы я мог быть уверен, что ты не приведёшь с собой свою мини-армию?

— Новая подземная парковка на северной окраине. Строительство заморожено, там ни души. Через час. Ты привозишь её, я жду тебя. Один. Я буду без оружия.

Маркус задумался на мгновение. Аника видела, как напряглись его плечи. Он явно просчитывал варианты — и понимал, что это шанс.

— Хорошо, чёртов Джеймс Бонд, — сказал он наконец. — Через полчаса на парковке. Но если я замечу что-то лишнее — или если ты не явишься — её величество умрёт.

— Я хочу поговорить с тобой лицом к лицу.

Он словно заманивал.

— Свидание, так свидание.

Маркус убрал телефон и повернулся к Анике. В его взгляде не было усмешки — только ледяная решимость. Он обрадовался, услышав вызов, и Аника заметила это. Как легко он согласился на встречу, хотя любой профессионал сказал бы «нет». Он знал, что это ловушка. Знал, что Тадэо не придёт один — он ведь не сумасшедший. И всё равно согласился.

— Вставай. Мы едем на встречу. Твой герой согласился обменять свою жизнь на твою. Похвально, не правда ли? Вот только он меня обманывает, а я обману его. Что ж, поиграем.

Маркус сделал несколько коротких звонков, отдавая распоряжения своим людям.

Он грубо схватил её за плечо и потащил по ступеням вверх. Рюкзак она так и не выпустила из рук — прижимала к груди, как единственную защиту. На улице дождь почти стих, оставив после себя туман и сырость. У крыльца стоял чёрный фургон, и двое мужчин в чёрном ждали у раскрытых дверей.

Мокрая одежда прилипла к телу липкой, ледяной коркой. Каждый шаг отдавался противным хлопанием в ботинках, а ткань джинсов натирала колени, как мокрая наждачка.

— Садись, — приказал Маркус, и она покорно влезла в тёмный салон без окон. Он сел напротив, ему передали пистолет. Фургон тронулся.

— Ты просто монстр, — прошептала она, глядя в пол.

— А ты думала, я буду играть в благородство? Это так утомительно. — Маркус усмехнулся, но улыбка вышла кривой. — Я делаю свою работу. Тадэо постоянно мешает, и он должен умереть. Тебя вообще нужно пристрелить первой, Ваше Величество. Но если ты умрёшь сейчас, он не придёт.

Аника промолчала. Она решила не провоцировать его и беречь силы.

Фургон ехал долго. Аника пыталась запомнить повороты, но за чёрными шторами ничего не было видно. Наконец машина замедлилась и въехала под землю — звук мотора отразился от бетона.

— Мы на месте, — сказал водитель.

Маркус перезарядил пистолет и кивнул ей:

— Выходи. Будешь стоять рядом со мной. Если он попытается что-то сделать — ты умрёшь первой. Поняла?

Она кивнула, чувствуя, как внутри всё обрывается. Перекинула рюкзак на спину.

Дверь фургона распахнулась, и воздух парковки ударил в лицо — сырой, холодный, пахнущий бетонной пылью. Огромный пустой этаж, голые перекрытия, тусклые лампы на проводах. Где-то капала вода. Маркус вышел, приставив дуло к её спине. Четверо его людей рассредоточились по периметру, заняв позиции за колоннами.

— Тадэо! — крикнул Маркус, и голос эхом разнёсся под сводами. — Я здесь! Выходи, если твоё слово чего-то стоит!

Тишина. Только капли воды.

И вдруг из-за бетонной колонны появилась фигура. Высокий человек в тёмном плаще, без маски. Чёрные волосы, острые скулы, хищный прищур — и глаза, горящие сталью. В руках он держал только телефон.

— Я здесь, — сказал Тадэо низким голосом, остановившись в десяти шагах. — Отпусти её. Я твой.

Маркус замер на долю секунды — и вдруг расхохотался. Громко, надрывно, с хрипотцой, выдыхая смех вместе с паром в холодном воздухе парковки. Он откинул голову назад, обнажив бледную шею, и смех эхом заметался между бетонных перекрытий, как стая вспугнутых птиц.

— А вот и он! — крикнул он, и в голосе звучало что-то болезненное, почти восторженное. — Явился! Он самый! Легендарный! Неуловимый Тадэо Оокин!

Глаза его горели лихорадочным блеском. Он переводил взгляд с пистолета на Тадэо, с Тадэо на пистолет, и улыбка на его лице становилась всё шире — неестественная, звериная, с обнажёнными зубами. Он был похож на ребёнка, которому наконец подарили самую желанную игрушку.

Аника видела, как его пальцы сжимаются на рукоятке пистолета, как напряжены плечи, как он весь подался вперёд, готовый ринуться на врага, забыв обо всём на свете. В нём не было ни капли профессионализма — только животное, первобытное торжество оттого, что его «жертва» оказалась в пределах досягаемости.

Один из людей Маркуса переглянулся с напарником — коротко, едва заметно. В их взглядах мелькнуло недоумение. Они привыкли видеть своего командира холодным и расчётливым, а не этим смеющимся безумцем. Но никто не посмел сказать ни слова.

Таdéо стоял беззвучно — собранный, прямой, невозмутимый, как ледяная глыба. Ни страха, ни спешки, ни лишних жестов. Полная противоположность Маркуса. Он стоял спокойно, но в этом спокойствии чувствовалась нечеловеческая мощь. Аника вглядывалась в него и снова поймала себя на сомнении: он ли тот, за кого себя выдаёт? Слишком уверен. Слишком спокоен. Словно знает то, чего не знают они.

Его глаза — чёрные, как ночь, — горели изнутри холодным, яростным огнём. Не ненавистью — чем-то более глубоким, древним. Они полыхали тихо, как огонь в печи, которую

топят много лет. От этого взгляда по коже пробежала дрожь: в нём была готовность убить — и не дрогнуть.

— Ты жалок, Маркус.

Голос — холодный, ровный, без капли эмоций.

Улыбка сползла с лица Маркуса мгновенно. Он дёрнул головой, будто от пощёчины.

— Что ты сказал?

Вена на шее Маркуса запульсировала. Лицо исказилось — бледное, вытянутое, с дёргающейся скулой. Он закусил губу, сжал пистолет так, что побелели костяшки, и из горла вырвался хриплый звук. Его люди снова переглянулись. Один из них сделал шаг вперёд, словно хотел вмешаться, но остановился, наткнувшись на взгляд Маркуса.

Маркус думал нажать на курок. Хотел. Но что-то остановило его — может быть, желание растянуть удовольствие, насладиться моментом.

Его люди вышли из укрытий, взяв Тадэо в полукольцо.

— Оба трупы, — прошипел Маркус сквозь зубы.

Он усмехнулся и толкнул Анику вперёд:

— Иди к нему.

Она шагнула. Один, второй, третий. Сердце колотилось где-то в горле. Она видела лицо Тадэо — спокойное, твёрдое. Внутри неё боролись страх и надежда. Страх — что он обманет. Надежда — что нет. Она не знала, можно ли ему верить, но другого пути не осталось.

— Быстрее, — прошептал он, едва шевеля губами.

Аника побежала. Стук её сердца отдавался в ушах. Время словно играло не в её пользу: всё происходило слишком быстро, но в то же время слишком медленно. Адреналин ударил в кровь. Тадэо потянулся навстречу.

В тот же миг Маркус поднял пистолет...

Раздался выстрел.

Аника не поняла, что произошло. Грохот разорвал тишину, ударив по ушам оглушительной волной. Она услышала резкий хлопок, потом ещё один — и в то же мгновение Тадэо рванул к ней. Он схватил её за плечи, развернул и закрыл собой, прижав к груди так крепко, что она почувствовала, как его сердце колотится о её спину. А потом он вздрогнул. Глухо, сильно, всем телом. Хватка ослабла, и он тяжело опёрся на неё, повиснув почти всем весом. Его ранили в спину.

— Тадэо? — прошептала она, пытаясь обернуться. — Что...

Он её не отпускал, закрыл собой.

Маркус смеялся. Шоу ему нравилось.

Люди в чёрных костюмах готовились стрелять на поражение.

— Не стрелять! — рявкнул Маркус, и голос его прозвучал как удар хлыста. — Пока что!

Ему снова не терпелось поиграть со своей жертвой.

Но было поздно. Один из его людей, не сдержав пальца на спусковом крючке, нажал на курок первым. Пуля вошла в плечо Тадэо — навывлет, оставляя за собой рваное, кровоточащее отверстие.

— Нет! — Аника замотала головой, чувствуя, как паника сжимает горло. — Нет, нет, нет...

Она не могла даже увидеть, что происходит позади неё.

— Где эти придурки... — прохрипел Тадэо, и голос его прервался кашлем, окрашенным кровью. — Чёрт... — Он не договорил. Сознание покидало его, веки тяжелели, и он медленно оседал на бетон. Аника села на бетон, повернулась к нему, обхватив его широкие плечи. Запах крови ударил в ноздри. Он рухнул на землю, Аника села рядом, руки её дрожали от ужаса, по щекам потекли слёзы. Она приподняла его голову и положила себе на колени. Ей казалось, что настал её конец.

Маркус шагнул вперёд, разведя руки в стороны, как актёр на сцене. Его люди, окружившие их плотным кольцом, замерли в ожидании. На губах Маркуса играла хищная, почти сладострастная улыбка.

— Ну как тебе? — спросил он, наклоняясь к Анике. — Твой герой только что принял пулю, которую я не хотел в него выпускать. Он должен был страдать. Умолять меня! — Голос его сорвался на крик, и он резко развернулся к своему человеку. — А ты, идиот, всё испортил! Я люблю, когда они злятся, но не так! Не так! Он без сознания!

Он снова повернулся к Анике, и в его глазах плясали безумные огоньки. Зрачки были расширены до предела, дыхание сбивалось — он был на взводе, возбуждённый собственной игрой, и это делало его смертельно опасным.

— Я хотел поиграть и с тобой, Ваше Величество, — прошептал он, склоняясь к её уху. — Устроить шоу. Чтобы ты видела, как он умоляет. Как ты умоляешь. Как все вы молитесь о пощаде. А теперь? — Он развёл руками, окидывая взглядом разгром. — Теперь всё пошло по швам. Ты даже не боишься! Ты просто смотришь на меня этими своими глазами! Где шоу?! Где драма?!

Он обошёл её, касаясь пальцами её плеч, и она вздрогнула от этого прикосновения — но не от страха, от отвращения. Он остановился прямо перед ней, сел на корточки, взял за подбородок и заставил смотреть в глаза.

— Но вернёмся к тебе. Ты ведь знаешь, кто ты. Все знают, кто ты. Но что в тебе такого особенного, раз Тадэо решил укрыть тебя собой?

Они молчали несколько мгновений.

— Я спрашиваю, что такого в тебе особенного?! — он перешёл на крик.

— Стреляй уже, — сказала Аника, принимая поражение, и голос её прозвучал ровно, хотя внутри всё дрожало.

Маркус театрально и недовольно приставил дуло к её лбу. Лицо его исказила гримаса наигранного разочарования.

— Ты мне всё веселье ломаешь! — почти заныл он. — Я должен быть крут, как чёртов Джон Уик! Я должен быть злодеем, которого бояться! А ты — ты даже не плачешь! — Он ткнул дулом в её лоб, и она не отшатнулась. — Знаешь, что я сделаю с тобой, когда закончу?

Аника не отвела взгляда. Она смотрела ему в глаза, и в её груди поднимался гнев. Чистый, яростный, всепоглощающий. Он шёл из самой глубины, из той тёмной части её души, которую она так долго прятала.

Зрачки её расширились до предела. Время замедлилось.

Свет начал мерцать — сначала едва заметно, потом чаще и чаще, как будто кто-то крутил ручку напряжения. Воздух стал тягучим, почти осязаемым. Аника почувствовала, как он вибрирует вокруг неё, как вибрирует её собственная кровь.

— Что ты делаешь?

Она не знала.

Маркус выстрелил. Но пуля остановилась в воздухе, словно больше не подчинялась законам физики.

Вокруг неё начал формироваться плотный купол — полупрозрачный, мерцающий, пульсирующий в такт её сердцу. Он рос, расширялся, поглощая пространство вокруг. Аника чувствовала свою гравитацию, чувствовала все предметы и всех людей вокруг.

— Стреляйте! — выкрикнул Маркус.

Мужчины заметно нервничали, но приказ исполнили моментально. Пули, выпущенные людьми Маркуса, влетали в этот барьер и застревали в нём, как мухи в янтаре, — повисали в воздухе, а потом с лёгким звоном падали к её ногам.

Маркус выстрелил в неё. Пуля вошла в тёмный кокон и застряла, не долетев до цели. Он попытался схватить её голыми руками, но барьер не поддавался — плотный, упругий, как застывшая смола.

— Ты не можешь меня убить, — сказала Аника, и её голос звучал странно — с эхом, как будто говорили двое.

Она подняла руку. Яркая волна, словно вспышка, ударила в Маркуса, отбрасывая его к стене с такой силой, что бетон треснул. Это было нечто, что можно было сравнить с солнцем, — она лишила Маркуса одной руки и ослепила ему глаз. Он ударился головой, сполз вниз, но не потерял сознание — только выронил пистолет. Аника не понимала, как он может оставаться в живых.

Она хотела вернуть контроль, но вместо этого вторая волна вырвалась помимо её воли, сбивая с ног всех вокруг и ломая бетонные стены здания. По полу прошлись трещины. А после силы иссякли.

Маркус попытался поднять пистолет, выцеливая Анику. Он видел, что барьера уже нет. Но неожиданно девушка с рыжими волосами, появившаяся из темноты, точным движением выбила оружие у него из рук. Пистолет со звоном отлетел в сторону и закатился под обломки бетона.

— Привет, дорогой, — сказала она, и в голосе её звучала ледяная усмешка. — Скучал без меня?

Маркус зарычал, пытаясь встать, но ноги не слушались. Его люди разбежались. Аника сидела в центре, прижимая к себе обмякшее тело Тадэо, и чувствовала, как тьма пульсирует в ней, как она жаждет вырваться, уничтожить всё вокруг.

Аника покачнулась, но всё ещё оставалась в сознании.

Наступила тишина. Только капли воды падали где-то вдалеке, отбивая монотонный ритм. Собственное дыхание Аники казалось оглушительно громким в этом бетонном мешке. Скрипел металл — здание вот-вот обрушится. Она слышала, как стучит её сердце — медленно, тяжело, словно оно тоже устало бороться. Руки дрожали. Она смотрела на свои ладони, испачканные кровью Тадэо, и не могла понять, как оказалась здесь, в этом аду, держа на руках человека, который прикрыв её собой. В голове шумело, перед глазами плыли тёмные пятна.

И вдруг сквозь этот шум пробились шаги. Много шагов. Быстрых, тяжёлых, уверенных.

Она подняла голову, готовясь к новой волне, к ещё одному удару, но вместо этого увидела, как из проёма въезда вылетают чёрные фигуры. Четверо. В длинных плащах, без масок, с оружием в руках. Они двигались слаженно, как одно целое, как хорошо отлаженный механизм.

На ещё один барьер сил уже не хватало. Аника приготовилась.

— Быстро! — крикнул тот, что был старше всех, — высокий мужчина с сединой на висках и шрамом через всю щёку. — Проверьте его!

Он подбежал к Анике и опустился рядом с ней на колено. Профессиональным движением проверил пульс Тадэо на шее, приподнял веко, осмотрел его.

— Жив, — выдохнул он, и в его голосе впервые мелькнуло облегчение. — Потерял много крови, но дышит. Вытащим. — Он повернулся к своим: — Парни, берите его!

Коренастый брюнет и длинноногий блондин подхватили Тадэо под руки, перекинув его руки себе на плечи. Тадэо безвольно повис между ними, ноги волочились по бетону, голова упала на грудь.

— Держите крепче! — крикнул мужчина с сединой на висках и со шрамом на лице. — У нас минута! Меньше! Весь комплекс рухнет!

Рыжая девушка обернулась на секунду и заметила, что Маркуса уже не было на месте.

Парни потащили Тадэо к выходу — неуклюже, тяжело, спотыкаясь об обломки бетона, но не сбавляя шага. Аника попыталась встать, но ноги подкашивались. Рыжая, появившаяся рядом, подхватила её под локоть.

— Вставай, малышка, — сказала она, и в голосе её не было привычной игривости — только холодная решимость. — Вставай, мы уходим.

Сверху посыпалась штукатурка, стены задрожали крупной дрожью. Где-то гулко лопнул бетон, и вдалеке раздался глухой рокот — обрушивался один из пролётов.

— Бежим! — крикнул седой, и они рванули к выходу. — Аня! Шевели булками!

Коренастый и блондин тащили Тадэо, седой поддерживал его сзади. Они двигались быстро, насколько это было возможно с тяжёлым телом на руках. Сверху падали куски штукатурки, бетон трещал и крошился. Аника бежала следом, спотыкаясь, опираясь на Анну.

— Не останавливайтесь! — орал седой. — Ещё немного!

Они выскочили на улицу, в серый сумрак дождливой ночи. Позади них с грохотом рухнула крыша подземной парковки, взметнув в воздух тучи бетонной пыли и осколков. Коренастый и блондин упали на колени, бережно опуская Тадэо на землю. Седой тут же склонился над ним, проверяя пульс.

Аника упала на колени рядом с ними, тяжело дыша. Рыжая присела рядом.

— Ну вот, — сказала она, и голос её дрожал только чуть-чуть. — Первый бой позади. И, должна сказать, ты выступила достойно. Будешь тренироваться — станешь непобедимой.

Седой мужчина поднял голову и кивнул:

— Жив. Крепкий, зараза. Подлатаем.

Коренастый парень выпрямился, растирая плечи:

— Тадэо, когда очнёшься, я первым делом скажу тебе, что ты тяжёлый, как бетонная плита. И что мы тебя тащили на себе, потому что ты, идиот, решил принять пулю.

Блондин усмехнулся, вытирая пот с лица:

— Да, я себе плечо надорвал. Будешь должен.

Аника подняла голову, всё ещё не веря.

— Как вы нашли нас и вообще, кто вы? — спросила она, и голос её дрожал, но теперь — от облегчения.

— Тадэо всё рассчитал, — ответила Анна, и в её голосе впервые появилась серьёзность. — Он знал, что Маркус попытается использовать тебя как приманку. Он знал, что тот захочет поиграть. Пока Маркус играл в злодея, мы подготовили машину для транспортировки её величества и подготовили подкрепление. Мы ждали сигнала. Но похоже, что-то пошло не по плану Тадэо, и сигнала мы не получили. Услышали грохот, пока сидели в машине. Но ты сама всё сделала.

— А моя мама? — прошептала Аника.

— С ней всё в порядке, — твёрдо сказала Анна. — Она в безопасном месте. Клянусь. Точнее, будет через несколько часов.

Аника кивнула, но пока было рано просто взять и поверить незнакомым людям.

— Виктор, поезжай с Ингрид, мы с Греггом в этой, — командовала девушка. — Давай Тэда сюда.

Коренастый и блондин снова подхватили Тадэо, на этот раз аккуратно, поднимая его с земли и затаскивая в машину. Аника покачнулась, и Анна подхватила её за локоть.

— Легче. Легче. Давай, садись в машину. Нам нужно убираться отсюда. Ты только что разрушила половину парковки. Бетон, конечно, не живой, но он тоже заслуживает покоя.

Аника подошла к машине, решив ехать с Тадэо. Кровь пачкала сиденье, и на коврике уже образовалась лужа.

— Садись, — сказала Анна, и Аника села. Мотор заревел. — Мы едем домой. Ну, не совсем домой, но в безопасное место. Там есть борщ. Правда, его придётся варить.

В машине Аника странно себя чувствовала. Тадэо лежал на заднем сиденье — бледный, с пропитанной кровью повязкой на плече. Его голова покоилась на коленях Аники, и она сжи-

мала его руку, чувствуя, как он дышит — тяжело, прерывисто, но дышит. Длинноногий блондин сел за руль, Анна устроилась спереди и обернулась к Анике.

— Кстати, — сказала она, и в голосе зазвучала прежняя насмешливость, — меня зовут Анна. Можешь называть меня спасительница.

Машины тронулись.

— Аня, ты опять за своё? — голос доносился из рации, пристроенной к панели.

Аника поняла: так они поддерживают связь.

— А что? Правда глаза колет, — парировала она. — Я сегодня спасла девушку и помогла похоронить карьеру Маркуса. Я героиня.

— Ты просто болтала, пока мы тащили Тадэо, — усмехнулся блондин.

— Это стратегия. Отвлекающий манёвр. Враг должен думать, что я бесполезна, а потом — бац! — я его побеждаю интеллектом.

Аника слабо улыбнулась. Впервые за последние часы она почувствовала что-то похожее на тепло. Мир вокруг неё рушился, а впереди было неизвестно что, но она поняла главное — она не одна.

Аника приложила два пальца к шее Тадэо. Пульс слабый, но был. В темноте блеснуло что-то у него на шее. Аника коснулась серебряной цепочки, но не стала её вытаскивать. Она коснулась его холодной щеки.

— Может, у него болевой шок? — вслух подумала Аника.

— Не переживай, — Анна махнула рукой. — Он необычный человек.

Машины ехали, увозя их в ночь. Дождь стихал, за окнами мелькали огни города. Седой вёл вторую машину, коренастый сидел рядом с ним. Аника не видела их, но слышала их голоса по рации.

— Добро пожаловать в сумасшедший дом, Ваше Величество, — сказала Анна, подмигивая. — Здесь всегда есть пиво, хорошие шутки и, если повезёт, хлеб. Ты нас не знаешь, но мы за тобой часто присматривали.

— Плохо вы присматривали, — пробормотала Аника.

Парни расхохотались. Анна улыбнулась.

— А её величество с характером. Нам такие нравятся.

Аника закрыла глаза. Снаружи моросил дождь, сменяясь тишиной, и впервые за долгое время она позволила себе поверить — всё будет хорошо. Хотела она того или нет, но сердце верило тому, кто принял пули вместо неё. Она не сомневалась, что именно он протянул руку помощи ещё очень давно, в тот самый день, когда она была в отчаянии. Она помнила то, что произошло после комы матери. Через месяц счёт матери заморозили, словно сверху знали о её состоянии. Кто-то влиятельный хотел перекрыть ей кислород. Хотели, чтобы она пришла к короне сама, с поникшей головой? Она помнила тот день, когда на ней висели счета за свет, за воду, за мусор, за услуги медиков. Тогда и пришло первое уведомление от него.

Тадэо хмурился даже в забытии — глубокая складка залегла между бровей, оставляя на бледном лице след внутренней борьбы. Дышал он тяжело, с хрипом, грудная клетка вздымалась рывками, словно каждое движение давалось ему ценой невероятных усилий.

Аника смотрела на его лицо. В тусклом свете, пробивающемся сквозь запотевшие окна, оно казалось вырезанным из мрамора — бледное, с острыми скулами и длинными ресницами, которые дрожали при каждом выдохе. Он был красив. По-настоящему красив. Но сейчас эта красота была мучительной, как у падшего ангела, который слишком долго сражался.

— Мне показалось, что они знакомы, — Аника вопросительно смотрела на Анну.

— Ты про Маркуса и Тадэо? — она заулыбалась. — Конечно. Ещё со школы знакомы. Они даже были друзьями. Я тоже училась там.

— И что же произошло?

— Маркус перешёл черту. У Тадэо была хорошая подруга, Мия. Задорная, задиристая, очень весёлая девушка. Я их часто видела втроём — то в кафе, то в баре. Маркус похитил, убил Мию и изнасиловал. Ему крышу снесло от любви. Тадэо избил его до полусмерти, но Маркус живучий, как таракан. Я вообще думаю, что он гей.

Рация зашипела:

— Анна, ты сама себе противоречишь.

— Хочешь поспорить со мной? А? Ингрид?

— Ты сказала, что он изнасиловал девушку, а потом, что он гей.

— Давай! На десять тысяч. Спорим?!

Глава 3 Дом в лесу.

Теперь они были далеко от её родного дома — на другом конце города, там, где дорога уходила вверх, а по сторонам поднимались высокие сосны.

После грохота рушащейся парковки, после визга шин и криков лесная тишина казалась нереальной. Они ехали почти три часа. Может быть, дольше. По дороге Тадэо вкололи сильное обезболивающее, и он провалился в тяжёлый сон, лишь изредка вздрагивая на ухабах. Аника сидела на заднем сиденье чёрного внедорожника, сжимая его безвольную руку, и смотрела в окно. Ветви деревьев скользили по стеклу, роняя капли. Где-то вдалеке крикнула птица — и этот звук был единственным, что нарушало покой. Время потеряло смысл. Она чувствовала только одно: холодную ладонь Тадэо в своей руке, его дыхание, которое становилось всё слабее, — и собственную беспомощность перед этим.

Аника вспомнила о рюкзаке. Он всё ещё был у неё на спине. Она успела схватить его в последний момент, перед тем как Маркус вытащил её из подвала. Видно, всё-таки придётся связаться с этим загадочным Амадеусом и занять своё законное место.

— Эй, малышка, — раздался голос Анны с переднего сиденья. — Ты там не усни. Мы почти на месте. И не переживай так: он живучий, как таракан. Я видела, как он упал с третьего этажа и встал, будто ничего не случилось. Он как танк — неубиваемый.

Аника подняла глаза. Она не знала, как реагировать на такие шутки. Часть её хотела смеяться, другая — просто молчала.

— Он потерял много крови, — тихо сказала Аника.

— Ага, — отозвался Ингрид, мужчина со шрамом, сидевший за рулём второй машины и говоривший через рацию. — Ваше Величество, мы находили его в таком состоянии не в первый раз. У нас даже специальный набор для извлечения пуль есть. В «Икее» купили. Там был хороший шведский набор для выживания, но мы докупили пинцет и скальпель. Так что не парься. Всё стерильно.

— Ты серьёзно? — Аника приподняла бровь.

— Абсолютно, — ответил он. — У нас даже инструкция прилагалась. Правда, на шведском. Грег перевёл. Оказалось, что там про сборку кровати, но мы адаптировали методику. Кстати, я Ингрид. Поставки оружия, арсенал и всё, что связано с боевыми искусствами, — это ко мне. Я даже вертолёт умею водить.

Анна фыркнула:

— Ингрид, перестань пугать девушку. Она и так на нервах. Аника, не слушай его. У нас есть всё необходимое. И опыт. И водка для дезинфекции.

— Водка? — переспросила Аника.

— Ну да, — подтвердила Анна. — Для стерилизации и для празднования успешной операции. Иногда одновременно. В прошлый раз мы вытаскивали пулю из Виктора, и он так нажрался, что мы потом искали его два часа в лесу.

— Я искал грибы, — возразил Виктор через рацию. — У нас там, кстати, маслят было — завались.

— Ты искал то, что крутилось вокруг тебя, — засмеялся Грег, сворачивая на повороте. — А грибы росли под тобой, когда ты рухнул.

— Это была тактика, — парировал Виктор. — Я проверял устойчивость грибов к моему весу.

Аника слушала их, и внутри неё что-то оттаивало. Они были сумасшедшими. Полными, окончательными сумасшедшими.

— Тот блондин в очках, — продолжал Ингрид, имея в виду Грегга, — наш айтишник. Это он шифровал твои переводы и заметал следы. Аня — наша специалистка по камуфляжу и

шпионажу, заговорит кому угодно зубы. Виктор почти как я, только чуть моложе. Любимчик Ани.

Анна весело закивала.

Машина свернула на грунтовую дорогу и нырнула в чащу леса. Деревья смыкались над головой, образуя зелёный туннель. Через пять минут внедорожник выехал на поляну, и Аника замерла.

Перед ней стоял дом. Двухэтажный, деревянный, с огромными панорамными окнами. Построенный из тёмного лакированного дерева, он излучал скандинавскую простоту и грубую элегантность. Дом стоял на поляне, окружённый вековыми соснами, и казался естественной частью леса. Вокруг были разбросаны мощные чёрные мотоциклы, три внедорожника стояли рядом — все выглядели так, будто только что вернулись с военной базы.

— Добро пожаловать в наше скромное жилище, — сказала Анна, выпрыгивая из машины. — Или, как мы его называем, «Дом, где мы не убиваем друг друга». Пока что.

Ингрид вышел первым, открыл заднюю дверь и помог вытащить Тадэо.

— Тэд, — сказал он, наклоняясь к его лицу. — Мы будем готовить ужин. Не проспай, а то съедим всё без тебя.

Тадэо не ответил. Анике это казалось нереальным. Обычный человек на его месте был бы уже мёртв. Но ребята твердили, что с ним всё будет хорошо.

— Ладно, — вздохнул Ингрид. — Тогда съедим твою порцию. Ты же знаешь, Анна не оставляет еду на завтра.

— Это ложь! — крикнула Анна с крыльца. — Я оставляю! Если она невкусная.

Уже светало.

— Ага, — фыркнул Виктор, вытаскивая инструменты из багажника. — Оставляет, чтобы мы сами убрали. Хитрый план.

Они занесли Тадэо в дом. Внутри было просторно и светло — огромные окна пропускали мягкий лунный свет. Гостиная занимала весь первый этаж: большой камин, старый кожаный диван, книжный шкаф до потолка и огромный стол из цельного куска дерева.

— Кладите его сюда, — скомандовала Анна. — Ингрид, ты за пулю. Виктор, держи его, если очнётся. Грег, включи музыку. Что-то расслабляющее. Джаз.

— Джаз? — переспросил Грег. — Мы пулю вытаскиваем, а ты хочешь джаз?

— Джаз успокаивает, — отрезала Анна, подготавливая всё необходимое. — И если включишь ту хрень, что слушаешь, — пристрелю. Ненавижу рок.

Грег вздохнул и нажал на колонку. Из динамиков полился мягкий джаз — известная песня Пабло Бельтрана:

«When marimba rhythms start to play,

Dance with me, make me sway,

Like a lazy ocean hugs the shore,

**Hold me close, sway me more»*.*

Аника стояла у стола, глядя на Тадэо. Он лежал неподвижно, бледный как бумага. Ингрид разрезал его плащ и рубашку, обнажая широкую спину и плечо. Аника отшатнулась, увидев рану. Вторая пуля застряла глубоко, почти в лопатке.

— Хм, — сказал Ингрид, осматривая рану. — Повезло, Тэд. Ещё сантиметр — и задел бы артерию. Хорошо, что не в задницу стреляли — было бы неловко. Аника, наверху твоя комната. Прими душ. Ты вся в крови. Анна даст тебе одежду. Отдохни, мы тут надолго. Грег, организуй хавчик, жрать охота.

Аника хотела возразить, но поняла, что только будет мешать. Она поднялась на второй этаж. Анна уже подготовила комнату: аккуратная кровать с белоснежным бельём, тумбочка с лампой, книжный шкаф, светлые шторы. Анна принесла полотенце и показала, где душ. Всё было кстати.

Она стояла под струями тёплой воды долго, обнимая себя, — холод отступал. На кровати уже лежали тёплые штаны и огромный тёмный свитер.

— У меня нет тёплых вещей, — предупредила Анна, покидая её комнату. — Это свитер Тадэо. Он не обидится. Не переживай.

Аника надела свитер. Он был почти до колен, пах горькими травами и деревом, но был мягким и уютным. Она спустилась через полчаса и застала в гостиной взрыв хохота. Анна сидела на диване с кружкой явно крепкого напитка. Виктор стоял у камина и изображал Тадэо: нахмурил брови, скрестил руки на груди.

— «Я вам дам сигнал», — пропищал он басом, передразнивая начальника. — «Будьте наготове!» А потом смотрю — лежит в объятиях Её Величества, забыв про субординацию. Ну, думаю: что-то не так. Оказывается, он пулю поймал.

Аника покраснела. Она чувствовала себя странно. Ведь он прикрыл её собой.

В этот момент из комнаты Тадэо, которая находилась на первом этаже, донеслось ворчание. Все замерли. Дверь распахнулась, и на пороге появился он сам — бледный, перевязанный, но собранный. Он опирался на косяк, в другой руке держал планшет.

— Вы всё ещё здесь? — спросил он, обводя комнату холодным взглядом. — Я дал задания в чате. Если не можете разойтись по комнатам и уснуть, я придумаю для вас дела. Почему так шумно? Почему я должен подниматься, когда мне так паршиво?

— Мы ждали, пока ты очнёшься, — ответил Виктор с невинным видом. — Переживали за твоё здоровье.

— Лжец, — голос Тадэо стал суше. — Ты пил водку, пока я лежал с пулей. Чувствую запах за три метра.

— Я пил за твоё здоровье! — возмутился Виктор. — Это разные вещи!

— Иди проверь периметр, — приказал Тадэо. — И без водки.

Виктор мгновенно сник, но поплёлся к выходу, бормоча про «тиранию» и «неблагодарных начальников».

— Грег, проверил систему?

— Да, всё чисто, — ответил Грег, не поднимая глаз от ноутбука.

— Перепроверь. Дважды. И камеры на парковке — они могли работать. Надеюсь, ты не доверял свою работу Анне?

— Эй! — возмутилась Анна. — Я один раз забыла про камеры!

— Ты забыла три раза. Я считал. Иди к воротам, смена до шести утра, если не спится.

— Но я...

— Я сказал.

Анна вздохнула и кивнула. Спорить было бесполезно.

— Ингрид, — мягче обратился Тадэо к мужчине со шрамом. — Хватит читать свои романы. У тебя синяки под глазами — иди отдыхать.

Аника улыбнулась. Это выглядело забавно. Не таким она представляла загадочного Т. О.

Тадэо поднял глаза. Его взгляд приковался к Анике. Он замер на минуту, оценивая её вид — от мокрых волос до тёмного свитера, — когда она застыла на ступенях.

— Ингрид, объясни ей правила, — голос его охрип и заметно изменился.

— А какие правила? — спросила Аника.

— Не выходи за периметр, — ответил Ингрид. — Вся электроника — через Грега. И что ещё там было? Никакой самодеятельности. И да... Не шуметь, когда Тэд спит.

— Новое правило, специально для тебя. Нельзя болеть. Ни в коем случае.

Он захлопнул дверь.

— Он только что заботился обо мне? — спросила Аника.

— Он приказал тебе не болеть, — Анна прятала улыбку. — Это его версия заботы.

Аника села в кресло у камина. Тадэо вышел через час, закутанный в плед, с остывшей кружкой кофе. Он выглядел измождённым, но продолжал читать планшет.

Время шло к двенадцати ночи.

— Ты должна знать, — сказал он Анике, не поднимая головы. — Это касается твоей матери.

Аника замерла.

— Двое моих людей вывезли её. Она в подземном медицинском комплексе. Координаты знают только Ингрид и Грег. — Он сделал паузу. — Возможно, лечение пойдёт ей на пользу.

— Это возможно? — голос Аники дрогнул.

— Не знаю. Но хорошее лечение никогда не мешает.

Он замолчал. Аника смотрела на него, чувствуя, как благодарность смешивается с тревогой. Он сидел в своём кресле — монументальный, холодный.

— И всё же, — нарушила тишину Анна, — Тэд, ты бы видел своё лицо, когда она надела твой свитер. У тебя дыхание перехватило.

— Хочешь помыть посуду вместо Виктора? Между прочим, это ты оставила бардак на кухне.

Виктор мыл посуду молча, уже почти закончил.

— Я вымою! — возмутилась Анна. — В следующий раз. Просто я думала, что у нас будет момент! Ты ранен, она здесь — как в кино!

— Это не кино, — отрезал он. — В реальности мне нужны продукты и порядок. Если завтра здесь не будет нормальной еды, я придумаю наказание.

— Это угроза? — спросил Виктор.

— Обещание. — Тадэо перевёл взгляд на Ингрида. — Теперь ты решил посмотреть кино? Убери ноутбук. У тебя мешки под глазами, как у енота. Иди спать.

— Я только что вытащил пулю из твоего плеча!

— Я выгляжу лучше тебя. Иди.

Ингрид встал и направился к выходу, бурча про «неблагодарность».

— Парни, — добавил Тадэо. — Купите нормальную еду. Хватит жрать один доширак и запивать его пивом.

— А если мы вернёмся с тортом? — спросил Виктор. — Завтра?

— Если только с тортом, и без хлеба, я сам вас лично пристрелю. И я скажу, что это был несчастный случай. У меня алиби: я ранен, я не мог стрелять.

— Вы слышали? — возмутился Виктор, вернувшись в гостиную. — Мы спасли его, а он угрожает!

— Ты забыл закрыть гараж в прошлом году, и я тебя простил, — холодно ответил Тадэо. — Но хлеб должен быть. Вопрос жизни и смерти.

— Тогда поедem прямо сейчас, — решил Виктор. — Это лучше, чем слушать твоё ворчание.

— Я с тобой!

— И я!

Грег и Анна решили, что лучше сейчас держаться от Тадэо подальше. Все понимали его негодование. Возможно, он считал, что план провалился. Тадэо не был человеком, который полагается на удачу.

Они ушли, и в доме воцарилась тишина. Аника видела, как пальцы Тадэо дрожат над планшетом, как экран несколько раз наклоняется, а он ловит его в последний момент.

— Ты должен лечь, — сказала она тихо.

— Я должен работать, — не поднимая головы.

— Ты ранен.

— Я знаю. Я там был. Иди в комнату. Завтра всё решим.

Она хотела возразить, но передумала и ушла. Спустилась в час ночи, чтобы выпить чаю. Она так перенервничала, что сон не приходил. А вот Тадэо уснул в кресле, уронив планшет на колени. Аника бесшумно подошла, взяла плед с дивана и накрыла его. Он даже не шевельнулся. Она стояла рядом, глядя на его бледное лицо, на хмурые брови — даже во сне он не расслаблялся.

Через минуту вошла Анна. Увидев спящего Тадэо и плед, она улыбнулась.

— Он уснул?

— Да.

— Всегда так, — Анна подошла и поправила край пледа. — Работает до упора. Мы говорим: «Тэд, отдохни», а он: «В могиле отдохну». Но ты не переживай. Наш танк недохнет.

Она взяла Анику за руку:

— Иди в комнату. Я посторожу. И, кстати, в шкафу есть ещё пледы. Не замёрзни.

Аника посмотрела на Тадэо ещё раз, словно всё ещё не могла поверить. Два года она ломала голову, думая о том, кто он. И вот теперь он сидел и спал в кресле так близко от неё. Ей хотелось узнать его получше, обо всём расспросить. В эти минуты её сердце пропустило болезненный удар.

— Добро пожаловать в семью, — подмигнула Анна. — У нас всегда есть хлеб. Иногда даже свежий. И мы никогда не смеёмся над Тэдом в его присутствии. Только за спиной.

Аника улыбнулась и пошла наверх. Чай она передумала пить. Ноги её уже не держали, и она мечтала только об одном — провалиться в сон на мягком матрасе, укутавшись в плед.

Глава 4 Он был непривычным.

Аника проснулась от того, что солнечный свет бил прямо в глаза — слишком яркий, слишком настойчивый. Она несколько секунд моргала, пытаясь сообразить, где находится. Пахло деревом, лесом и чем-то цветочным. Потом память вернулась: парковка, выстрелы, Тадэо, закрывший её собой, и этот странный дом посреди леса.

Она села на кровати, и с плеч сполз свитер — тот самый, огромный, тёмный, который пах хвоей и горькими травами. Она так и уснула в нём. За окном вовсю светило солнце, птицы давно уже перестали петь и занялись своими дневными делами. Аника глянула на часы на тумбочке и удивилась: почти час дня. Она проспала больше двенадцати часов — организм явно брал своё после вчерашнего ада.

Аника поднялась, чувствуя себя отдохнувшей, но слегка смущённой. В доме стояла мёртвая тишина — все спали. Она осторожно выскользнула в коридор, прислушалась. Спустилась вниз. Ни звука. Даже Тадэо, который вчера вырубился в кресле, теперь был в своей комнате — дверь плотно закрыта. Видимо, Ингрид и Виктор всё-таки затащили его в постель.

В желудке заурчало, и Аника направилась на кухню, которая была объединена с гостиной. Она чувствовала себя странно — вчерашний день казался сном, но голод был реальным. И ещё — ей отчаянно хотелось сделать что-то полезное. Показать этим людям, что она не просто обуза, не высокомерная монархиня, которую нужно таскать на руках. К тому, что все знают о её статусе, она не могла привыкнуть. Они все называли её «Ваше Величество», но признавать свою власть она не спешила.

Аника открыла холодильник и ахнула: мясо, овощи, зелень, яйца, масло — всего в избытке. Похоже, кто-то всё-таки успел закупиться, пока она спала.

— Ну что ж, — прошептала она. — Давайте устроим обед.

Она начала колдовать. Мясо порезала кубиками, обжарила на масле, добавила лук, морковь, картошку и залила бульоном — получилось ароматное, густое жаркое. Пока оно томилось, она нарезала свежие огурцы с помидорами, заправила сметаной и зеленью. Второй салат сделала из капусты с клюквой и орехами — хрустящий, свежий, с кислинкой. Хлеб нарезала аккуратными ломтиками, разложила на деревянной доске и прикрыла полотенцем. Когда она закончила, на столе стояло всё необходимое: глубокие тарелки для жаркого, плоские для салатов, стопка чистых тарелок, бокалы и кружки. Она вымыла за собой всю посуду, которую испачкала в процессе готовки.

Она стояла у плиты и пробовала жаркое, когда на кухню ввалилась Анна. Босиком, в длинной футболке, с растрёпанными рыжими волосами. Она остановилась на пороге, втянула носом воздух, и глаза её округлились.

— Это что? — спросила она сонным голосом. — Я ещё сплю или у нас тут ресторан открыли? Я чувствую запах жареного мяса, а должна чувствовать запах вчерашней водки и утреннего похмелья. Что происходит?

— Доброе... день, — улыбнулась Аника. — Я приготовила обед.

Анна подошла к столу, оглядела всё — и у неё отвисла челюсть.

— Это жаркое? — спросила она, указывая на кастрюлю. — И салаты? И хлеб? Ты это всё... сама? И когда ты успела? Мы же только встали!

— Я люблю готовить, — пожала плечами Аника. — Мне захотелось сделать что-то приятное.

— Приятное, — повторила Анна, садясь на стул. — Она говорит «приятное». Она приготовила нам полноценный обед, а не просто разогрела замороженные котлеты. Мы должны взять её в штат. Я сейчас расплачусь.

Она подошла и обняла Анику, и та почувствовала, как внутри разливается тепло. Анна пахла сном и чем-то сладким.

— Ты спасла мне жизнь, — сказала Анна. — Это не шутка. Я думала, мы будем есть тосты до вечера. А тут — пиршество. Ты теперь моя любимая. Я не отдам тебя Тэду. Он вообще, кстати, встал?

— Не знаю, — ответила Аника. — Я его не видела.

— А я видела, — хмыкнула Анна. — Правда, он лежал и бурчал что-то про "невозможность работать в таких условиях". Ингрид его буквально силком уложил вчера. Сказал, что если Тэд не отдохнёт, он привяжет его к кровати. Тэд ответил, что это будет "нарушением субординации". Ингрид сказал, что он уволен. Тэд сказал, что Ингрид не может его уволить, потому что сам его нанял. Короче, они спорили до полуночи, но Тэд в итоге отключился.

— Ты это слышала? — удивилась Аника.

— Я спала в соседней комнате, — пожала плечами Анна. — Там стены тонкие. Я даже слышала, как Ингрид храпел в коридоре. Он, кстати, спит с книгой на груди. Говорит, что так быстрее усваивает информацию. Я думаю, он просто боится, что кто-то украдёт его "Войну и мир" — это его сокровище.

Аника рассмеялась. На кухню начали стягиваться остальные. Грег и Виктор появились почти одновременно — оба взлохмаченные, сонные, в домашних штанах. Грег держал свою кружку, как амулет, Виктор чесал затылок и таращился на стол.

— Это что, — спросил Виктор, — я ещё сплю или мы переехали в ресторан?

— Это Аника, — сказала Анна. — Она умеет готовить. В отличие от некоторых, которые считают, что заварить доширак — это кулинарный подвиг.

— Эй! — возмутился Виктор. — Доширак — это классика! Это искусство выживания!

— Это искусство того, что ты не умеешь пользоваться плитой, — парировал Грег, садясь за стол. — А вот этот обед — произведение искусства. Разве королевы умеют готовить? Я в шоке!

— Жаркое и два салата, — ответила Аника. — Прошу, садитесь.

Ингрид посмотрел на стол и покачал головой:

— Если я съем это, я должен буду жениться на тебе. Это закон. Такой обед не едят просто так.

— Ещё чего, — фыркнула Анна. — Она моя. Я первая её увидела и обняла. Так что я — главная. Она моя.

— Ты просто обнимашка, — сказал Виктор, накладывая себе жаркое. — А вот это действительно обед. Не придётся сидеть на воде.

— Кстати о воде, — сказал Грег, доставая из шкафа бутылку. — Я тут добавлю в чай немного бодрости.

— Грег! — возмутился Виктор. — Ты что, пьёшь на работе?!

— Только иногда, — невозмутимо ответил Грег. — Это помогает мне думать.

— Ты думаешь, что помогает, — сказал Ингрид. — На самом деле ты просто спиваешься.

— Я спиваюсь со вкусом, — парировал Грег. — Это тонкая грань. Между прочим, это виски, который я купил в прошлом году в Шотландии. Он стоит больше, чем твоя книжная коллекция.

— Моя книжная коллекция стоит больше, чем твоя машина, — ответил Ингрид.

— Моя машина стоит больше, чем твой дом, — не сдавался Грег.

— А мой дом стоит больше, чем ваши жизни, — раздался холодный и раздражённый голос от двери.

Все замерли. В дверях стоял Тадэо — бледный, с тенями под глазами, но прямой. Он опирался о косяк, и Аника заметила, что он держится за него чуть крепче, чем нужно. Как он вообще мог ходить?

На нём была чёрная футболка, под которой угадывалась повязка на плече. Он окинул взглядом стол, тарелки, салаты и, наконец, посмотрел на Анику.

— Ты это наготовила? — спросил он.

— Да, — ответила она. — Я подумала, что вы устали и будете голодны. Все проспали до обеда.

Он ничего не ответил, медленно прошёл к столу и сел на своё место во главе — с заметной осторожностью, стараясь не задеть плечо. Все притихли. Тадэо взял ложку левой рукой — правую он почти не задействовал, — зачерпнул жаркое, попробовал. Жевал молча. Потом положил ложку и посмотрел на неё.

— Вкусно, — сказал он.

— Ещё бы! — воскликнула Анна. — Ты бы сказал «спасибо»? Или это слишком много для твоего словарного запаса?

— Спасибо, — сказал Тадэо.

Все засмеялись, кроме него. Но Аника заметила: он взял вторую ложку жаркого. И салат. И ещё хлеба. Правой рукой он почти не пользовался, но старался делать вид, что это просто привычка.

— Так, — сказала Анна, накладывая себе салат. — Аника, я вчера ночью проходила мимо твоей комнаты — дверь была приоткрыта. Ты точно закрывала?

— Точно, — нахмурилась Аника. — Я помню, как закрывала.

— Может, сквозняк? — предположил Виктор. — У нас тут иногда гуляет ветер.

— У нас тут не гуляет ветер, — сказал Грег. — У нас тут герметичные окна. Ты просто хотел её проверить.

— Я?! — возмутился Виктор. — Зачем мне её проверять?!

— Не знаю, — пожал плечами Грег. — У тебя странные привычки. Ты вчера, например, полчаса разговаривал с деревом.

— Я не разговаривал с деревом! — обиделся Виктор. — Я проверял систему безопасности!

— Ты говорил: «Деревце, деревце, пусти меня в лес», — сказала Анна.

— Я отрабатывал шифр! — закричал Виктор. — Это была кодовка!

Все засмеялись, кроме Тадэо, но Аника заметила, как уголки его губ чуть дрогнули. Он молча доедал жаркое, и на его лице появилось что-то похожее на умиротворение.

— Ладно, — сказал он, когда тарелка опустела. — Анна, Грег, вы сегодня поедете в город. Нужно купить вещи для Аники. Телефон и прочее. Всё, что может понадобиться.

— О, — обрадовалась Анна. — Наконец-то! А то мы тут как в пещере сидим. Я уже хочу нормальный кофе, а не растворимый. И шоколад. Много шоколада.

— Ты купишь шоколад, если он будет в списке, — сказал Тадэо.

— Я куплю шоколад, если он будет в моём сердце, — парировала Анна. — А он там будет.

— Аника, — Тадэо повернулся к ней. — Что тебе нужно? Цвета, размеры.

— Я люблю чёрный и тёмно-синий, — сказала она. — Что-нибудь свободное. Чтобы не мешало двигаться. И тёплое.

Тадэо понимающе кивнул.

— Базовые вещи возьмите, — сказал он Анне и Грегу. — Для маскировки. И никаких каблуков. Только кроссовки. Никаких платьев и прочих бесполезных вещей. Только самое необходимое. Без фанатизма, Анна.

— Мы поняли, шеф, — сказала Анна. — Будет ей всё, что надо. И даже больше.

Через полчаса Анна и Грег уехали. Виктор ушёл на дежурство по периметру, Ингрид устроился в кресле с книгой и в итоге уснул, а Аника осталась на кухне убирать посуду. Тадэо сидел в гостиной, но она видела — он не читает планшет, он просто сидит и смотрит в стену, пытаясь справиться с болью. Он снял рубашку, белые бинты окрасились красным.

— Тадэо, — сказала она, подходя. — Тебе нужно перевязаться.

Он поднял на неё взгляд. В нём мелькнула тень раздражения — не на неё, на себя.

— Я справлюсь, — сказал он.

— Я знаю, — ответила она. — Но я могу помочь.

Он смотрел на неё долго. Потом, сдаваясь, кивнул. Она принесла аптечку, помогла снять футболку, перевязала рану. Он не произнёс ни звука, только сжимал челюсти, пока она работала. Но когда она закончила, он чуть расслабился и посмотрел на неё уже без прежней напряжённости.

— Спасибо, — сказал он.

— Пожалуйста, — ответила она.

Её сердце пропустило удар. А потом забилося с такой силой, что она ощутила его в горле, в висках, в кончиках пальцев, сжимающих подлокотник.

Он оторвал от неё взгляд, словно обжёгся. Глубоко вдохнул — и выдохнул с таким усилием, будто пытался вытолкнуть из себя всё, что только что почувствовал. В груди всё ещё колотилось это проклятое сердце, которое отказывалось слушаться. Он оделся быстро.

Аника вышла на кухню и через несколько минут вернулась с кружкой чая. Поставила перед ним на столик, села в кресло напротив. Тадэо сидел в своём кресле, глядя в окно, и Аника видела, как его дыхание постепенно становится глубже — боль уходила, сменяясь усталостью. Он выглядел почти обычным — хмурый, бледный, с тенями под глазами.

— Я думала, — начала она тихо, — что после всего я буду бояться. Заработаю тревожное расстройство. Но как-то всё прошло.

— Ты в безопасности.

— Думаю, да.

Он не ответил. Но она заметила, как его пальцы на подлокотнике кресла чуть дрогнули. Он не умел принимать благодарность. Она уже поняла это.

— Тадэо, — сказала она. — Я хочу спросить.

Он поднял на неё глаза — усталые, но внимательные.

— Тот человек в маске волка... это был ты, — её голос звучал неуверенно.

Он молчал долго. Потом кивнул.

— Да.

— Ты следил за мной?

— Я присматривал за тобой, — поправил он, посмотрев на неё. — Это разные вещи. У меня был приказ от Амадеуса, твоего наместника. Охрана, работавшая на твою мать, предупредила о ситуации, прежде чем покинуть вас. Но ты не появилась и не позвонила Амадеусу, и он принял меры.

— Ты переводил мне деньги.

— Да. — Он снова кивнул.

— Это деньги короны?

Он молчал, она всё поняла. Значит, коррупционеры добрались до власти.

Аника смотрела на него, и внутри разливалось странное тепло. Она поняла, что он скуден на слова, возможно потому что они мало знакомы.

— Тебе хоть платят за твою работу?

Он снова молчал.

— Но тогда почему?

— Я возвращаю долг, — сказал он. — Я задолжал Амадеусу. В дела короны кланы не вмешиваются.

Аника смотрела на него, не понимая, как реагировать на его слова. Из всех вассалов, безликих, безмолвных и всех, кто давал клятвы служить короне, никто из них не появился в её жизни в самый сложный момент.

Если он носил маску волка, то несложно было догадаться, что он и есть глава клана.

— И всё равно я благодарна, — сказала она. — За всё.

Он перевёл взгляд на окно и тихо ответил:

— Не стоит благодарности.

Через три часа вернулись Анна и Грег. Они привезли десять пакетов, два рюкзака и коробку с обувью. Анна вывалила всё на диван, и начался показ мод. Там были чёрные джинсы, тёплые свитера, водолазки, несколько лёгких платьев, которые ей никогда не понадобятся, спортивные костюмы, комплект тёплого белья, кроссовки, ботинки и даже пижама.

— Тэд, смотри, — сказала Анна, показывая длинное тёмное платье. — Она будет выглядеть как королева, даже если просто пойдёт в магазин.

— Я не хочу, чтобы она выглядела как королева, — ответил Тадэо из кресла. — Я хочу, чтобы она была незаметной.

— Ой, да ты просто ревнуешь, — махнула рукой Анна. — Всё, мы её одеваем, как нам нравится. А ты иди в уголок и бубни про безопасность. Когда всё наладится, сама может и захочет выглядеть красиво и женственно.

Аника засмеялась, перебирая вещи. Среди них нашлись даже носки с оленями — Анна купила их в качестве шутки.

— Это чтобы ты не забыла, что мы в лесу, — сказала она. — И чтобы ноги не мёрзли.

Тадэо заглянул в пакеты, оценивающе посмотрел на носки, потом на Анну. Он ничего не сказал, но ему ответили.

— Да, — невозмутимо посмотрела на него Анна. — Это необходимость. Тёплые носки — залог здоровья. И, если честно, они тебе тоже понадобятся, когда мы окажемся в Сибири. У тебя же вечно ноги мёрзнут.

— Мои ноги не мёрзнут, — сказал Тадэо. — И мы не окажемся в Сибири.

— Они мёрзнут, — сказала Анна. — Я видела, как ты в прошлом году надел двое носков и всё равно трясся.

Все засмеялись. Даже Тадэо, кажется, чуть улыбнулся — хотя, возможно, это был просто блик света.

— Ну что, — сказала Анна, обнимая Анику. — Добро пожаловать в компанию бродяг. У нас всегда есть хлеб, иногда свежий, и мы никогда не смеёмся над Тэдом в его присутствии.

Аника улыбнулась, чувствуя, как внутри разливается тепло.

Вечер опустился на лес мягкой, влажной темнотой. После ужина, когда тарелки были убраны, а чай разлит по кружкам, все перебрались на улицу, посидеть у костра. Парни вынесли во двор небольшой стол, скамейки и даже кресло Тадэо — специально для него, чтобы он не отмазывался от компании. Анна принесла колоду карт и с победным видом шлёпнула её на стол.

— Ну что, — сказала она, потирая руки, — сыграем в дурака? Или в покер? Или в «кто больше выпьет»? А, ну да, у нас тут есть трезвенник, так что покер.

— Я не играю, — сказал Тадэо, сидя в своём кресле с планшетом.

— Ты никогда не играешь, — фыркнула Анна. — Ты всегда сидишь со своим планшетом и делаешь вид, что работаешь. А мы тут пытаемся развлечься. Аника, ты с нами?

— Да, — сказала Аника, садясь в одно из свободных мест.

Виктор раздал карты, и они начали играть. Тадэо сидел в стороне, уткнувшись в планшет, но Аника чувствовала его взгляд — он касался её лица, как прикосновение. На секунду. На две. Она старалась не обращать внимания, но каждый раз, когда его глаза останавливались на ней, внутри что-то переворачивалось. Она сжимала пальцы, смотрела на карты, но видела только его — его профиль, освещённый пламенем костра.

— Аника, ты ходишь? — спросил Виктор, вырывая её из мыслей.

— Да, — сказала она, бросая карту.

Анна выпила. Грег играл, но его внимание было в телефоне. Пламя костра плясало, отбрасывая тени на лица. Аника смотрела на Тадэо — и в этом свете он был почти нереальным. Красивым. Холодным. И таким далёким, что у неё сжималось сердце.

Что-то изменилось. Она чувствовала это — напряжение, которое вибрировало в воздухе, когда Тадэо смотрел на неё чуть дольше, чем следовало. Он был собран, непроницаем, но она видела: его пальцы на планшете дрожат. Совсем чуть-чуть. И это маленькое движение говорило больше, чем любые слова.

Она отвела взгляд и снова взяла карты, стараясь не думать о нём. Но мысли не слушались.

И тут его телефон зазвонил.

Звук был резким, непривычным — Тадэо редко ставил звонки на громкий режим. Все замерли, даже Анна, которая уже собиралась бросить карту. Он поднял трубку, и на его лице не дрогнул ни один мускул.

— Слушаю, — сказал он, и голос его был ледяным. Он слушал несколько секунд, не произнося ни слова, потом коротко сказал: — Я понял.

Все переглянулись. Анна пожала плечами, Виктор хмыкнул, Грег нахмурился.

— Что это было? — спросил Виктор.

— Не знаю, — ответила Анна.

Аника чувствовала, как внутри поднимается тревога. Она смотрела на его спину, когда он отошёл в сторону, и ей казалось, что она слышит его голос — тихий, напряжённый. Он вернулся через десять минут. Его лицо было непроницаемо, но глаза стали ещё холоднее — если такое вообще было возможно. И в них мелькнуло что-то, чего она никогда раньше не видела. Усталость? Решимость? Страх?

Он сел в своё кресло и уткнулся в планшет, не говоря ни слова.

— Тэд, всё в порядке? — спросила Анна.

— Всё хорошо, — ответил он, не поднимая головы. — Продолжайте игру.

Но Аника видела, как он сжал планшет так, что костяшки побелели. Она смотрела на него, и внутри закипало раздражение — не на него, а на себя. На то, что он так сильно влияет на неё.

Она отвернулась и снова взяла карты, но игра уже не имела значения.

Время тянулось, ребята играли шумно, но она снова погрузилась в свои мысли.

Игра закончилась — Анна выиграла, Виктор проиграл и теперь делал вид, что ему всё равно. Аника встала, собираясь помочь убрать карты, но Тадэо поднялся первым. Он подошёл к ней, и в его глазах не было того холода, к которому она привыкла. Было что-то другое — что-то, что она не могла прочесть. Напряжение? Тревога?

Она всегда хорошо читала лица людей, но Тадэо казалось невозможно прочесть, он словно состоял из противоречий.

— Аника, — сказал он, и голос его был тихим, чтобы никто больше не слышал, — нам нужно поговорить. Идём со мной.

Она замерла. Внутри всё сжалось. Она кивнула и пошла за ним в дом, в его кабинет. Он закрыл дверь, и они остались вдвоём.

Тадэо сел за стол, но не включил ноутбук. Он просто сидел, глядя на неё, и в его глазах была усталость. Глубокая, тяжёлая усталость человека, который слишком долго нёс груз, который никто не видел.

— Я только что говорил с Амадеусом, — сказал он, и его голос был ровным, но в нём слышалось напряжение. — Он хочет встретиться с тобой. Он готовит путь для твоего возвращения.

Аника почувствовала, как внутри всё обрывается. Возвращение. Она знала, что это когда-нибудь случится. Знала, что не сможет прятаться вечно. Но услышать это сейчас, здесь, в этом уютном доме, где она начала чувствовать себя в безопасности, — было больно. Каждое слово врезалось в неё, как нож.

— Мы должны поставить тебя на трон, — продолжил Тадэо. — Амадеус — одна из ключевых фигур, которая поможет нам это сделать. Он сможет обеспечить легитимность твоего восхождения.

— Моё восхождение, — повторила Аника, и голос её дрогнул. — Но королева ещё жива. Моя мать ещё жива. Она в коме, но она дышит. Её сердце бьётся. И вы хотите посадить меня на трон вместо неё?

Она смотрела на него, и внутри поднималась волна гнева. Не на него. На обстоятельства. На этот мир, который требовал от неё невозможного.

— Я не могу, — сказала она, и голос её стал твёрже, хотя внутри всё дрожало. — Я не могу занять её место. Она — королева. Настоящая королева. А я просто... я даже не знаю, кто я. Я принцесса, которая прячется в лесу, потому что за ней охотятся. Какая из меня королева?

— Ты — наследница, — сказал Тадэо, и его голос не дрогнул. — Ты — единственная наследница.

Она молчала. Она знала, что он прав. Но внутри всё сопротивлялось. Мать была для неё всем — опорой, примером, смыслом. И занять её место, пока она ещё жива, казалось предательством. Каждое слово Тадэо звучало как приговор.

А потом она вспомнила.

Вспомнила мать — её спокойный голос, её мудрые глаза, её руки, которые гладили её по голове перед сном. «Ты должна быть готова, моя девочка. Когда-нибудь трон станет твоим. И ты справишься. Я знаю. Я в тебя верю». Эти слова она слышала сотни раз. С детства. Мать готовила её. Каждый день, каждый урок, каждое наставление — всё вело к этому. К её восхождению. К тому, что она должна будет занять место, которое принадлежит ей по праву.

Она закрыла глаза. Воспоминания нахлынули — тёплые, как руки матери, и болезненные, как утрата. Она помнила, как мать учила её держать спину прямо, когда внутри всё дрожит. Как говорить с людьми, даже когда боишься. Как скрывать страх за улыбкой. Как быть королевой, даже когда внутри ты всего лишь девочка. Мать готовила её к этому дню с самого рождения. И сейчас, когда этот день настал, Аника чувствовала себя предательницей — не потому что занимала трон, а потому что сомневалась. Потому что не была готова. Потому что хотела, чтобы мать проснулась и всё пошло по-прежнему.

Но мать не просыпалась. И Аника знала — она должна. Должна сделать то, для чего её растили. Даже если это разрывает ей сердце.

— Сколько у нас времени? — спросила она тихо, и голос её был почти беззвучным.

— Неделя, — ответил он. — Может быть, меньше. Амадеус готовит документы.

Аника открыла глаза. Она посмотрела на Тадэо, и в её взгляде была боль. Такая глубокая, что он, кажется, почувствовал её. Его рука на мгновение дёрнулась, будто он хотел коснуться её, но он остановил себя.

— Она готовила меня к этому, — сказала Аника, и голос её дрожал. — Она даже готовила документ об отречении, чтобы не оставить власть совету.

Тадэо молчал. Он смотрел на неё, и в его глазах мелькнуло что-то, чего она никогда раньше не видела.

— Она верила в тебя, — сказал он тихо. — Амадеус верит в тебя. Я верю в тебя. Мы все на твоей стороне, Аника.

— А я не уверена, — ответила она, и голос её сорвался. — Я не смогу быть как она.

— Ты не должна быть такой, как она, — сказал Тадэо, и его голос был твёрже, чем прежде. — Ты должна быть собой.

— Уверена, я там всё сожгу, если не случайно, то специально. Терпеть не могу старые устои. Ты хоть читал устав?

Аника закрыла глаза. Она чувствовала, как внутри поднимается что-то — не страх, а гнев. И ещё что-то другое. Решимость. Тихую, спокойную решимость, которая рождалась из любви к матери. Из желания не предать её память. Из веры в то, что мать не ошиблась, когда растила её.

— Мне нужно побыть одной, — сказала она, вставая. — Мне нужно подумать, прогуляться.

Он ничего не сказал. Он просто смотрел, как она выходит из кабинета, как поднимается в свою комнату, чтобы переодеться, как спускается и выходит за дверь. Он хотел остановить её. Хотел сказать, что это небезопасно. Но он знал — ей нужно это.

Она выскользнула за дверь, и ночной лес встретил её прохладой. Небо было чистым, усыпанным звёздами, а луна висела высоко, заливая поляну серебристым светом. Воздух был влажным после недавнего дождя, пахло землёй и хвоей. Где-то вдалеке ухнула сова, и её голос разнёсся эхом между стволами.

— Не ходи далеко, — донёсся голос Виктора из дома. — Лес обманчивый, особенно ночью.

Тадэо незаметно шёл за ней, это вошло уже в привычку.

— Хорошо, — ответила она, не оборачиваясь.

Она ступила на тропинку, и земля мягко поддалась под ногами — влажная, упругая. Лунный свет пробивался сквозь кроны, создавая причудливые узоры из теней на земле. Капли на листьях мерцали, как россыпь хрустала.

Она шла, не оглядываясь. Ветви, мокрые и тяжёлые, касались её плеч, оставляя на одежде тёмные влажные пятна. Она думала о матери. О том, как та учила её каждому жесту, каждому слову. О том, как мать сажала её на колени и рассказывала о королевском долге, о том, что значит быть правителем. «Ты будешь королевой, Аника. Ты будешь лучшей королевой. Я знаю».

Аника вспоминала задорный смех матери и то, как легко она превращала сложные ситуации в смешные и легко решаемые.

Время пришло. Мать лежала в палате, подключённая к аппаратам, а Аника должна была занять её место. Занять трон, пока мать ещё дышит. Позаботиться о таких, как она, об элементах. Она даже не знала, где они и кто они, но точно знала, что светлый элементарий в ответе за всех остальных. Её мать была тёмным элементом, силу которой Аника невольно забрала себе. Таковы законы мира элементарий. Два одинаковых элемента не могут существовать вместе, один начинает исключать другого. Исключение — только элементарий светлой энергии. А она и то и другое. Из-за неё мать в коме. Элементарий без элемента — это её мать.

— Я не могу, — прошептала она в пустоту, и голос её сорвался. — Я не могу. Я виновата.

Она остановилась, прислонилась к стволу старой сосны. Комок слёз подступил к горлу, и она не могла его проглотить.

— Я не хочу, — прошептала она, и голос её дрожал. — Я не хочу занимать твоё место. Я хочу, чтобы ты проснулась. Я хочу, чтобы ты была рядом. Почему я не могу вернуть обратно твой элемент? Зачем он мне вообще нужен?

Лес молчал. Только капли падали с ветвей, и звук их был похож на тихий плач.

Она пошла дальше. Лунный свет прокладывал ей дорогу, тени плясали между стволами. Тропинка петляла, и лес становился всё глуше, всё тише. Но Аника не замечала этого. Она смотрела по сторонам, вдыхала лесной воздух, и постепенно напряжение начало отпускать.

Она не заметила, как тропинка исчезла. Остановилась. Оглянулась. Вокруг только деревья — высокие, одинаковые. Луна уже не пробивалась сквозь кроны так ярко, и воздух стал тяжелее. Лес казался глухим, безмолвным. Даже сова замолкла. Она сделала несколько шагов

в одну сторону, потом в другую — всё было чужим, незнакомым. Сердце забилося быстрее. Она заблудилась. Паника подступила к горлу — вязкая, липкая, как та самая грязь под ногами.

Она попыталась вспомнить, откуда пришла, но деревья были одинаковыми. Тишина давила на уши. Она слышала только собственное дыхание — частое, сбивчивое. И вдруг откуда-то из глубины леса донёсся звук.

Шаги. Мягкие, осторожные, приближающиеся.

Она вскочила, готовая бежать, сердце колотилось так сильно, что она слышала его в ушах. Но из-за стволов вышел он.

Тадэо.

Он тяжело дышал — на лбу выступила испарина, глаза горели. Он бежал — она видела это по его прерывистому дыханию, по тому, как он опирался на соседнее дерево. Он вышел сразу, как только она ушла. Он ждал. Следил. Но потерял её из виду лишь на одно мгновение, и она исчезла.

— Ты за периметром, — сказал он, и голос его был тихим, но жёстким. — Одна. Без связи. Я пошёл за тобой, как только увидел, что ты ушла. Ты понимаешь, что это значит? Это небезопасно.

Она не отвечала. Она смотрела, как лунный свет играет на его лице, как тени падают на его губы, как его глаза — чёрные, глубокие — смотрят на неё с чем-то, что она не могла прочесть. В них было всё — усталость, тревога, гнев. И ещё что-то, что он отчаянно пытался скрыть.

— Это небезопасно, — повторил он, отдельно и внятно указывая на лес вокруг. — Особенно сейчас. Ты не можешь просто так уходить.

Она шагнула вперёд. Сама не зная зачем. Лунный свет скользнул по её лицу, и она почувствовала его прохладу — такую же, как его взгляд, такой же пронзительный. Лес вокруг них дышал — влажный, живой, наполненный запахами земли и хвои.

— Прости, — сказала она тихо.

— Ты — моя ответственность, — ответил он, но голос его дрогнул. — Я не могу позволить тебе...

Он не договорил. Аника сделала ещё шаг. Она подняла руку, и её пальцы дрожали, когда она коснулась его груди — через ткань футболки. Под её ладонью его сердце билось быстро, отрывисто, совсем не так, как у человека, который должен быть холодным и непроницаемым. Она хотела проверить его. Она чувствовала каждый удар — мощный, неровный, живой. Он замер. Его дыхание сбилось на мгновение. Она чувствовала, как он напрягся, как его тело сопротивлялось тому, что происходило между ними. Но его сердце не лгало. Оно говорило то, что он никогда не произнёс бы вслух.

— Твоё сердце так бьётся, — прошептала она.

— Я знаю, — ответил он, и голос его был хриплым, почти сломленным.

Она смотрела в его глаза. Лунный свет играл на его лице, и она видела, как дрожат его ресницы. Как его дыхание смешалось с её дыханием, и воздух между ними стал плотным, тягучим, почти осязаемым. Она чувствовала под пальцами его сердцебиение — и оно отзывалось в ней самой, заставляя её сердце биться в унисон.

— Она готовила меня к этому, — повторила Аника, и голос её дрогнул.

Она чувствовала, как слёзы подступают к глазам. Она не хотела плакать. Не хотела, чтобы он видел её слабость. Но она не могла сдержаться. Они катились по щекам — горячие, солёные, и она не пыталась их вытирать. Тадэо не знал, что она сопротивлялась не только из-за комы матери, но ещё и из-за глубокого чувства вины перед ней. Она не могла рассказать, только члены семьи знают о тайнах элементарий.

— Я не хочу на трон, не могу её предать, — сказала она, и голос её был почти беззвучным. — Я не хочу занимать место матери. Это означает навсегда её похоронить.

Тадэо смотрел на неё долго. Потом его рука поднялась, и на этот раз он не остановился. Его пальцы коснулись её щеки — легко, почти невесомо, словно он боялся, что она исчезнет. Она почувствовала его кожу — шершавую, тёплую. Она затаила дыхание. Время остановилось. Лес замер.

— Ты не предаёшь её, — сказал он, и голос его был тихим, но твёрдым.

Она смотрела в его глаза, чувствуя его пальцы на своей щеке, чувствуя его дыхание на своей коже. Аника знала, что он не имеет права её касаться. Но она сама много раз нарушила это правило устава, будь она во дворце, наказание вместо неё получил бы Тадэо.

Она не отстранилась. Она хотела закрыть глаза и запомнить этот момент навсегда. Она хотела, чтобы он не отпускал её. Она чувствовала, как его пальцы скользят по её щеке, как он убирает прядь волос с её лица. Его прикосновение было нежным, почти благоговейным. Он придвинулся к ней. И она знала — он чувствует то же самое. Он просто не позволяет себе. Они ведь совсем из разных миров.

— Я не могу, — сказал он, и голос его был тихим, почти беззвучным. — Я не имею права.

Она моргнула, и в этот момент он отдёргнул руку, словно обжёгся. Сделал шаг назад. Потом ещё один. Его лицо снова стало непроницаемым, но в глазах всё ещё горело то, что он не мог скрыть.

— Возвращаемся в дом, — сказал он жёстко, но в голосе проскользнула хрипота. — Я покажу тебе дорогу. И больше никогда не уходи одна.

Она пошла за ним молча. Тропинка снова появилась — влажная, мягкая, ведущая к дому. Лес провожал их тихим шелестом — листья шептали, капли падали, и в этом шуме ей слышалось дыхание.

У самого дома он остановился и сказал, не глядя на неё:

— В следующий раз я не приду.

Она замерла. Посмотрела на его спину, на его руки, сжатые в кулаки. Она поняла, что он имеет в виду. Он говорил, что теперь она сама будет в ответственности за свою безопасность. Однако слова заставили задохнуться от обиды.

— Я передам тебя Амадеусу, и мы больше не увидимся. У меня свой путь. У тебя свой.

Она видела, как дрогнули его плечи на секунду. Как он замер, прежде чем войти в дом.

Аника поднялась в свою комнату, закрыла дверь и опустилась на кровать. Она всё ещё чувствовала его пальцы на своей щеке. Всё ещё слышала его голос. Всё ещё ощущала его дыхание на своей коже.

Мать. Трон. Тадэо. Всё это смешалось в один тугой узел. Но она знала одно — у неё тоже есть долг. Она смахнула слезу. Нужно было собраться. Она также знала, что любому монарху нужны поддерживающие союзники. А она рисковала остаться одна.

Глава 5 Мир не будет прежним.

Прошёл день.

В доме было тихо. Шесть часов вечера. Анна спала на диване, накрывшись пледом, и тихо посапывала, уткнувшись носом в подушку. Виктор сидел у камина с планшетом в руках — на экране шёл старый чёрно-белый фильм, который он пересматривал уже в пятый раз. Грег, уставший до предела от постоянного сидения за ноутбуком, наконец закрыл его, отложил в сторону и вышел на крыльцо — подышать свежим воздухом и дать глазам отдохнуть от экрана. Ингрида она с утра не видела. Аника прошла на кухню, села за стол и уставилась в стену. Она обхватила кружку с остывшим чаем, но не пила. Просто смотрела в пустоту перед собой и думала о том, что совсем не справляется со своей тревожностью.

Что она наделала? На что она надеялась? Почему нельзя было оставить всё как есть? Вопросы кружились в голове, как стая встревоженных птиц, и она не могла поймать ни один, чтобы дать себе ответ. Она сидела неподвижно, боясь пошевелиться, боясь, что любое движение разрушит хрупкую иллюзию спокойствия, в которой она пыталась удержаться. Она не поднимала глаз, не хотела ни на кого смотреть.

Тадэо вернулся поздно, когда она уже была в своей комнате. Она слышала, как он прошёл по коридору — шаги были тяжёлыми, усталыми, как будто он нёс на плечах невидимый груз. Она слышала, как он заперся в своей комнате. Она лежала в кровати, глядя в потолок, и слушала. Ни шагов в коридоре. Ни скрипа половиц. Только тишина.

К вечеру следующего дня все собрались внизу за ужином. Ужин приготовила Аника — она старалась занять руки, чтобы не думать, но даже готовка не помогала. Она нарезала овощи, помешивала суп, ставила на стол тарелки, но всё делала механически, словно её тело двигалось само по себе, а мысли оставались где-то далеко. Анна, проснувшись, тут же принялась помогать, но Аника только покачала головой и сказала, что справится сама. Грег, который после долгой пробежки чувствовал себя немного лучше, но всё ещё был уставшим, сидел за столом, прикрыв глаза, и слушал, как Анна болтает о чём-то с Виктором.

Когда всё было готово, все собрались за столом. Тадэо сидел во главе, смотрел в свой планшет и отвечал односложно — да, нет, хорошо, понял. Аника украдкой поглядывала на него, но он ни разу не поднял глаз. Он был холоднее, чем когда-либо. Его лицо казалось вырезанным из камня — ни тени эмоции, ни намёка на тепло. Она чувствовала, как расстояние между ними растёт с каждой минутой, с каждым его коротким, сухим ответом. Она хотела спросить его, что случилось, что он чувствует, почему он так отдаляется. Но слова застревали в горле, и она просто молчала.

Анна, заметив напряжение, пыталась шутить. Она рассказывала смешные истории, подкалывала Виктора, строила гримасы, но шутки не доходили. Они повисали в воздухе, растворяясь в тяжёлой тишине, и даже она, обычно неунывающая и жизнерадостная, сникла, замолчала и сосредоточилась на еде. Виктор переглядывался с ней, пожимая плечами. На его планшете всё ещё шёл фильм — он смотрел его украдкой, стараясь не привлекать внимания. Грег сидел с закрытыми глазами, отдыхая от экрана, но всё равно прислушивался к разговору. Он чувствовал, что что-то происходит, что атмосфера накаляется, но предпочёл не вмешиваться.

— У вас что-то случилось? — спросил он всё же, открыв глаза и посмотрев на Анику и Тадэо.

— Ничего, — ответила Аника слишком быстро. Голос её дрогнул, и она сама это услышала. Она отвела взгляд, уставилась в тарелку и сжала пальцы так, что побелели костяшки.

Тадэо встал из-за стола, не сказав ни слова, и вышел на крыльцо. Он даже не посмотрел на неё. Просто встал, отодвинул стул, развернулся и вышел. Дверь за ним закрылась мягко,

почти беззвучно, но этот звук показался Анике оглушительным. Она смотрела на его пустой стул и чувствовала, как внутри всё сжимается от боли.

Позже в гостиной Анна пыталась разложить пасьянс, но карты не слушались, и она с досадой сгребла их в кучу. Виктор устроился в кресле с планшетом — на экране снова шёл фильм, он переключился на какой-то старый боевик, и даже сквозь тишину были слышны звуки выстрелов и взрывов. Грег сидел в телефоне. Аника решила прибраться, но движения её были медленными, словно она двигалась сквозь воду. Она подняла чашку, поставила её на место, вытерла стол — всё это она делала почти неосознанно.

— У нас уведомление, — сказал Грег. Голос его был странным, напряжённым. Он смотрел в экран, который всё же пришлось открыть, потому что уведомление пришло именно на него. — О боже, это во всех новостях.

Анна подняла голову, отложив карты в сторону.

— Что? — спросила она, и в голосе её послышалась тревога.

Он взял пульт и нажал кнопку. Экран загорелся — ярко, резко, почти ослепляюще. И на нём был Маркус.

Аника не узнала его сначала. Человек, сидевший в студии перед камерами, был бледен, осунувшись, под глазами залегли тёмные круги, словно он не спал много ночей подряд. Левая рука заканчивалась культей, скрытой под чёрным рукавом пиджака. На месте левого глаза — чёрная повязка, которая делала его лицо ещё более пугающим. Он улыбался, и улыбка была хищной, безумной, как у человека, который потерял всё и теперь не боится потерять что-то ещё. Он говорил, и его голос разносился по всей гостиной, по всему дому, по всему миру, врываясь в каждую комнату, в каждое сознание, отравляя всё вокруг своей ложью.

— Добрый вечер, — сказал Маркус, глядя прямо в камеру. Его голос был спокойным, вкрадчивым, почти ласковым. — Меня зовут Маркус Вебер. Я — бывший сотрудник Союза по контролю за элементариями. И я здесь, чтобы рассказать вам правду. Правду о том, что среди вас живут люди, способные управлять силами природы. Люди, которые могут разрушить ваш мир одним движением руки. Люди, которые уже много лет скрываются от вас, манипулируют вами, используют вас. И вы даже не подозреваете об этом.

— Живучая тварь! Никогда недохнет, — процедила Анна сквозь зубы, сжав кулаки.

На экране появились кадры — с парковки. Той самой. Аника застыла, чувствуя, как кровь стынет в жилах, как ледяной холод разливается по венам. Это была она. Она стояла в центре кадра, и тьма клубилась вокруг неё, поднимая в воздух обломки, разбивая стены, круша всё на своём пути. Пули застывали в воздухе, не долетая до неё, повисали в миллиметре от её кожи и падали на пол с лёгким металлическим звоном. Это выглядело жутко, неестественно, как кадр из фильма ужасов. Аника смотрела на себя со стороны и не узнавала эту девушку — она казалась чужой, опасной, неуправляемой.

— Это только один пример, — продолжал Маркус, и в его голосе зазвучали нотки торжества. Он врал. — Есть и другие материалы. Есть и другие люди, которые скрываются среди вас. Их называют элементариями. Они могут управлять огнём, водой, землёй, воздухом, светом и тьмой. Они живут среди нас, притворяются обычными людьми, но на самом деле они — угроза. Их держат в тайне. Большинство находится в заточении, чтобы не нарушать баланс мира. Но эта молодая девушка... — он указал на кадр, где Аника стояла с растрёпанными волосами и горящими глазами, — она очень опасна. Она не просто элементарий. Она — монарх. Наследница короны. Действующая тайная власть. Её защищают убийцы и преступники. Вы должны быть осторожнее. Никто не в безопасности, пока она жива.

Аника смотрела на его лицо, на его улыбку, на его единственный глаз, который горел ненавистью, и не могла поверить, что этот человек когда-то был рядом с ней, что она почти доверилась ему. Он казался ей тогда почти нормальным — опасным, но понятным. А теперь

он сидел перед камерами и разрушал её жизнь по кусочкам, слово за словом, и улыбался при этом, наслаждаясь каждой секундой.

— Он мстит, — сказал Тадэо, и она не заметила, когда он вошёл. Он стоял в дверях, его лицо было белым, как мел, глаза горели холодным огнём. — Союзу придётся действовать. Они начнут охоту. Возможно, его отстранили от задания. Он потерял руку, потерял глаз, потерял всё — и теперь хочет, чтобы мы тоже потеряли всё. Это его месть.

Аника слышала другое — элементарии в заточении. Пусть Маркус и шёл на поводу у своих эмоций, но он дал нужную ей информацию. Но он также раскрыл миру правду. То, что она монарх, не было самым важным, важно было то, что мир не должен знать об элементах. И что теперь делать?

— О боже, — Аника судорожно вздохнула, пытаясь вдохнуть больше воздуха. Грудная клетка сжалась, и она почувствовала, что задыхается. Слова Маркуса, его голос, его улыбка — всё это давило на неё, лишало сил, лишало воли. Она вцепилась в край стула, чтобы не упасть.

Тадэо шагнул вперёд и выключил телевизор. Нажал на кнопку так резко, что пульт чуть не выскользнул из рук. В комнате стало тихо. Только дыхание — тяжёлое, сбитое, почти паническое. Аника смотрела на пустой экран и чувствовала, как внутри неё разрастается холод — холод такой силы, что она не могла пошевелиться. Она не знала, что делать. Не знала, что говорить. Не знала, есть ли у них вообще шанс.

— Все собирайте свои вещи. Всё самое необходимое! — приказал Тадэо, и голос его был резким, как удар хлыста.

Все поспешили исполнить приказ. Анна сорвалась с места, выбежала из комнаты, Виктор выключил планшет и направился к лестнице. Грег вздохнул. Он только начал отдыхать, и вот снова приходится работать. Но он быстро сунул ноутбук в рюкзак, надел куртку и направился к выходу. Тадэо уже звонил Ингриду. Аника стояла посреди комнаты, глядя на пустой экран, и не могла пошевелиться.

— Я должен доставить тебя к главе тайного правительства, — сказал Тадэо, и голос его был сухим, как осенняя листва. — Мы потеряли время здесь.

Она смотрела на него, и её сердце разрывалось. Он стоял перед ней чужой, холодный, закрытый.

— Монарх из меня паршивый, — сказала она, и голос её был тихим, почти беззвучным. — Я даже сделать ничего не могу.

— Какой у нас план? — спросил Грег, уже стоя у двери с рюкзаком за плечами.

— Мы покидаем город Дальрен и едем в Ново-Архангельск, — ответил ему Тадэо, не оборачиваясь. — Тебе понравится, там интернет плохо ловит.

Грег закатил глаза от очередной шутки Тадэо, которая, как всегда, была не к месту.

Тадэо вышел, не оглядываясь. Аника смотрела на дверь, которая закрылась за ним, и чувствовала, как мир рушится вокруг неё, как земля уходит из-под ног, как всё, что было важным, становится призрачным и нереальным. Анна подошла и обняла её, прижала к себе, но она почти не чувствовала этого — только холод и пустоту внутри.

— Завтра всё решится, — сказала Анна, и голос её звучал твёрдо, хотя в нём слышалась усталость. — Мы сделаем всё, чтобы защитить тебя.

Аника посмотрела на пустой экран телевизора, где ещё мгновение назад было лицо Маркуса. Она увидела в этом экране своё отражение — бледное, испуганное, чужое. И в этот момент к ней пришло осознание — это только начало. Всё, что было раньше, было лишь прелюдией. Теперь начинается настоящая война. Она чувствовала, как внутри оседает холодная, тяжёлая тишина, как страх сковывает движения. Пальцы вцепились в край дивана, костяшки побелели. Она не могла пошевелиться. Слова Маркуса всё ещё звенели в ушах: «Монарх. Наследница короны. Действующая тайная власть».

За окном заурчал двигатель. Аника повернула голову — к дому подъехал старый чёрный внедорожник, из которого выбрался Ингрид. Он был в своей неизменной куртке, седые волосы растрёпаны ветром, в руках — дорожная сумка. Он вошёл в дом, не здороваясь, сразу направился к Тадэо, который спустился с чемоданом. Они переглянулись, и Ингрид кивнул — коротко, без лишних слов.

Аника тоже поспешила собирать вещи.

— Всё готово, — сказал Ингрид, когда Аника спустилась вниз. — Маршрут проложен, машины заправлены, рация настроена. На месте будем через восемь часов, если не случится ничего непредвиденного. Ночью пробок нет.

Тадэо кивнул, даже не взглянув на него. Он стоял у лестницы и смотрел куда-то в стену. Его лицо было непроницаемо — ни тени эмоции, ни намёка на то, что он чувствует. Затем он направился к выходу, открыл багажник внедорожника и поставил чемодан внутрь.

— Так, народ! — Анна хлопнула в ладоши, заставляя всех вздрогнуть. — У нас тут побег века! Кто не успел — тот опоздал! Виктор, ты со мной?

Она подошла к нему и театрально взяла под руку, прижимаясь плечом. Виктор закатил глаза, но не отстранился — он уже привык к её выходкам за последние дни.

— С тобой? Я даже не знаю, хочу ли я с тобой ехать. Ты же будешь всю дорогу приставать, — сказал он, но в голосе его не было злости, только усталая покорность судьбе.

— Ещё бы! — Анна подмигнула и похлопала его по плечу. — У нас восемь часов в пути. Это идеальное время, чтобы сделать из тебя нормального человека. Или хотя бы уговорить тебя перестать ныть и посмотреть наконец нормальное кино, а не эти твои старые боевики.

— Что?! — возмутился Виктор, но в голосе послышалась улыбка. — Я констатирую факты и защищаю личные границы. И между прочим, мои фильмы — это искусство. Ты просто не понимаешь. Спроси у Ингрида, он тоже любит боевики. С чего ты решила, что я ною?

— Ой, да ты ноешь, как ребёнок, которому не купили игрушку, — парировала Анна. — Идём, нытик, поедem в одной машине. Будешь моим навигатором и моральной поддержкой. И научу тебя смотреть нормальные фильмы, а не вот это вот всё. Обещаю не приставать. Может, минут тридцать.

Аника собрала вещи, забрала рюкзак, посмотрела на документ и вышла на улицу. Ей помогли с вещами. Она молча села в машину. Она не знала, что сказать. Не знала, как быть. Просто села на заднее сиденье, прижалась к окну и уставилась в тёмное стекло. В прошлый раз сиденье было испачкано кровью, но сейчас и следа не осталось.

Тадэо сел за руль, натянул ремень безопасности и захлопнул дверь — резко, с металлическим щелчком, который отозвался в груди тупой болью. Он чувствовал себя гораздо лучше, и раны больше не болели.

Аника сомневалась — человек ли он вообще?

Грег сел позади Анны в другой машине.

— Анна, ты его убьёшь до того, как мы доедем до места! — крикнул Ингрид из окна, стараясь, чтобы голос звучал бодро, он сел рядом с Тадэо, в той машине, в которой находилась она. — Я уже вижу, как ты его достаёшь!

— Ничего, он крепкий! — отмахнулась Анна. — И если он начнёт ныть про свою спину или про то, что я громко дышу, я просто выключу рацию! И все будут счастливы! Не переживайте.

Внедорожники зарычали. И они наконец тронулись. Тадэо вырулил на дорогу. Машина мягко покачивалась на ухабах, лес за окнами начал редеть, сменяясь полями и редкими домами. Фары освещали дорогу, выхватывая из темноты столбы и придорожные кусты. Рация на панели зашипела, и из неё раздался голос Анны. Но он был каким-то другим — не обычным, деловым, а игривым, почти мурлыкающим.

— Так, народ! Мы в пути! — сказала она, и в её голосе слышалась улыбка. — Виктор, повтори маршрут, я забыла. Ну же, милый, помоги мне.

Ингрид поднял бровь.

— Это что сейчас было? — прошептал он.

— Не знаю, — ответил Грег, — но мне это уже не нравится. Она назвала его милым. Это другой уровень.

— Ты не забыла, ты просто хочешь, чтобы я заговорил, — ответил Виктор, и в его голосе слышалась привычная усталость, но теперь в ней проскальзывали нотки смущения. — Энергетики в твоей сумке, Анна. И маршрут я тебе уже три раза повторял.

— Во-первых, спасибо, мой хороший! — голос Анны стал ещё более сладким. — Во-вторых, ну и что? Тебе же нравится, когда я прошу тебя о чём-то! Это делает тебя нужным! Моим личным героем!

Ингрид фыркнул и покачал головой.

— Она что, решила его сожрать прямо в машине?

— Похоже на то, — пробормотал Грег.

— Мне нравится, когда ты замолкаешь, — ответил Виктор, но в его голосе послышалась улыбка, которую он явно пытался скрыть.

— Ой, да ты любишь мой голос! — засмеялась Анна. — Признайся, Виктор, я же вижу, как ты улыбаешься! Я знаю, ты меня слушаешь! И вообще, мне кажется, или ты сегодня выглядишь особенно привлекательно? У тебя волосы так красиво падают на лоб.

— Анна! — возмутился Виктор.

— Что? Я просто говорю то, что вижу! — Голос Анны звучал невинно, но в нём слышалась лукавая усмешка. — Ты знаешь, что у тебя красивые глаза? Я раньше не замечала, но сейчас, когда ты сидишь рядом и злишься, они становятся такими... карими.

— Прекрати! — голос Виктора звучал уже почти умоляюще.

— А ты знаешь, — продолжала Анна, не обращая внимания на его протесты, — что, когда ты злишься, у тебя на лбу появляется милая складочка? Я всё думала, что это такая твоя особенность, а теперь поняла — это просто потому, что ты думаешь обо мне. Или о том, как я тебя достаю. Это одно и то же!

В машине Аники повисла странная тишина. Грег молчал от шока. Ингрид смотрел на рацию с выражением человека, который стал свидетелем чего-то невозможного. Аника, несмотря на всю свою тревогу, почувствовала, как на губах появляется слабая улыбка.

— Она... она серьёзно? — спросил Грег. — Она с ним так всегда?

— Первый раз, — ответил Ингрид. — И я даже не знаю, что делать.

— Я люблю тишину, — раздался голос Виктора. — И свои старые боевики. Между прочим, это искусство! Ты говоришь, что не понимаешь их, а на самом деле просто боишься признать, что я прав!

— Ой, я боюсь! — засмеялась Анна. — Я ужасно боюсь! Но знаешь, что я боюсь ещё больше? Того, что ты признаешь, что я тебе нравлюсь! Что я — самая лучшая, что с тобой случалась! И что мои шутки — это самое смешное, что ты слышал в своей жизни!

— Мне нравится, когда ты молчишь, — повторил Виктор в очередной раз в надежде. — Но... может быть, совсем чуть-чуть.

— Ты слышали? — закричала Анна так громко, что рация затрещала. — Он признался! Он любит мой голос! Ингрид, ты слышишь? Он говорит, что это любовь!

— Я слышу, что тебя скоро высадят на обочине, — ответил Ингрид.

— Никто меня не высадит! — возмутилась Анна. — Я самая ценная! Я умею шутить, разряжать обстановку и делать Виктора счастливым! Аника, скажи им!

Аника совсем её не слушала. Ей было не до глупых шуток. Нужно было многое обдумать, придумать план и стратегии против информационной политики Маркуса. Она сжала пальцы в

замок, положила руки на колени и уставилась в свои ладони. Ногти впивались в кожу, оставляя белые полумесяцы, но она не чувствовала боли — только напряжение, которое сковывало каждую мышцу. Голос Анны был далёким, как будто доносился сквозь толщу воды. Шея затекла от напряжения, плечи сжались, она почти не дышала, боясь сделать лишний вдох. Королева. Это слово звучало в голове, как чужое, нелепое, старомодное и бесполезное. Элементарии в заточении, это несправедливо, а она не может ничего сделать.

В рации снова раздался голос Анны. Она явно была в ударе.

— Виктор, ты знаешь, что я люблю смотреть на тебя, когда ты спишь? — спросила она с той же игривой интонацией. — Ты такой незащитный, когда спишь. И храпишь, как маленький медвежонок! Это так мило!

— Я не храплю! — возмутился Виктор. — Я дышу ровно! И вообще, когда ты успела меня увидеть спящим?! Ты же только что говорила, что не хочешь приставать!

— А я и не пристаю! — засмеялась Анна. — Я просто наблюдаю! Ты же не против, если я буду на тебя смотреть? Это ведь не приставание, это просто... художественное наблюдение. Для вдохновения. Когда я смотрю на тебя, мне хочется писать стихи. Про тебя. И про твои карие глаза. И про твою складочку на лбу!

— Меня сейчас стошнит, — заявил Грег.

Пока они ссорились, Тадэо выключил рацию, повернулся в её сторону и передал коробку. Аника замерла на секунду, а затем приняла. Это был телефон.

— Внутри приложение с доступом к камерам. Номер админа и нескольких медсестёр. Ты можешь занять свой трон и не беспокоиться о ней. Она в самом охраняемом месте нашего клана.

— Спасибо, — произнесла она с трудом. Открыла коробку и включила телефон. Он был уже заряжен. Она смахнула экран и нашла приложение. Открыла и уставилась на спящую мать. Это невозможно было сравнить с больницей, в которой она постоянно находилась с ней рядом. Но она была рада. Её мать была в самых лучших условиях. Аника спрятала телефон в рюкзак.

Ингрид выключил рацию.

— Ты ненормальная, — сказал Виктор, но в голосе его слышалось веселье, которое он больше не пытался скрывать. — Надеюсь, ты не собираешься читать мне эти стихи в машине?

— Читать? — переспросила Анна. — Я собираюсь тебе их петь! У меня есть голос! Когда мы доедем до места, я устрою тебе концерт! Будет очень романтично!

— Если ты запоёшь, я выпрыгну из машины, — пригрозил Виктор.

— Ой, да ты не выпрыгнешь! — уверенно сказала Анна. — Ты слишком любишь меня, чтобы выпрыгивать! Даже если ты этого пока не понял.

В машине Аники повисла пауза. Ингрид смотрел на рацию, потом на дорогу, потом снова на рацию.

— Я думал, что знаю Анну, — сказал он наконец. — Но такое я вижу впервые. Она явно решила его завоевать.

— Или довести до белого каления, — добавил Грег. — Почему-то мне кажется, что у неё это получится.

— Ну, Виктор, — раздался голос Анны, и теперь она говорила с весёлой, озорной интонацией, — если мы проведём вместе восемь часов, ты должен пообещать мне одну вещь. Ты не будешь смотреть свои дурацкие боевики. Я буду включать тебе хорошее кино. Фильмы, в которых есть смысл и душа. И, может быть, тогда ты станешь чуть ближе к идеалу.

— Я уже близок к идеалу, — ответил Виктор с достоинством. — Ты просто не ценишь тонкую душевную организацию человека, который предпочитает смотреть «Врата тигра и дракона».

— Я ценю тонкую организацию! — парировала Анна. — И я докажу тебе это! Когда мы доберёмся до места, я налью тебе чаю, и мы поговорим. О тебе, о твоих фильмах, о чём захочешь. А сейчас — просто смотри на дорогу и делай вид, что тебе не нравится, что я здесь.

— А тебе не кажется, что ты перегибаешь палку? — спросил Виктор, но в голосе его слышалась лёгкая усталость, смешанная с теплом.

— Ни капли! — ответила Анна. — Это только начало!

Ингрид усмехнулся и покачал головой.

— Бедный Виктор, — сказал он, — он даже не подозревает, что его жизнь только что изменилась навсегда.

Аника не слышала этого. Она смотрела в окно, где проплывали поля, редкие дома, линии электропередач. Сон одолевал её, но слишком много мыслей крутилось в голове. Она думала о троне, о матери, о том, что будет завтра. И о Тадэо, который сидел рядом, но был так далеко. Почему она не могла ничего сделать? Разве монарх не обладает достаточной властью? Почему они больше не увидятся?

Тадэо и Ингрид поменялись местами, когда машина остановилась на обочине. Ингрид сел за руль, Тадэо хотел вздремнуть, пристроившись у окна. Он закрыл глаза и почти сразу провалился в сон. Виктор и Анна тоже поменялись.

— И вот представь, — говорил Виктор, — он выходит из тени, а у него в руках два пистолета! И он стреляет, не целясь!

— О, да это же классика! — подхватила Анна, и в голосе её не было насмешки, только искренний интерес. — Я смотрела этот фильм с Тадэо, когда он забрал меня в клан! Я была подростком, считай, ребёнок.

— Правда? — удивился Виктор. — И тебе понравилось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.